

РОМАН СУРЖИКОВ

Лишь одна
Звезда

The title is rendered in a highly decorative, calligraphic Cyrillic font. The word 'Лишь' (Lish) is at the top, followed by 'одна' (odna) on the next line. Below 'одна' is a horizontal dagger pointing to the left. Underneath the dagger is the word 'Звезда' (Zvezda), which is the largest and most ornate part of the title. The letters of 'Звезда' are filled with a blue-to-green gradient and feature elaborate flourishes and a starburst at the top of the 'З'. Another starburst is located below the 'З'.

ТОМ II

Полари

Роман Суржиков
Лишь одна Звезда. Том II

«ИП Головин»

2017

Суржиков Р.

Лишь одна Звезда. Том II / Р. Суржиков — «ИП Головин»,
2017 — (Полари)

ISBN 978-5-44-838465-3

Первая часть второго романа о мире Полари. Грядут большие перемены. Опираясь на силу Предметов, император устанавливает диктатуру. Несколько земель поднимают восстание против тирании. Мятеж возглавляет герцог Эрвин – умный, но неопытный и полный сомнений. Мира заживо похоронена в пещерном монастыре с призрачною надеждой на спасение. Джоакин поставил слишком высокую цель и пытается сорвать Звезду с неба. А Ворон Короны расследует заурядное убийство, которое грозит оглушительными последствиями...

ISBN 978-5-44-838465-3

© Суржиков Р., 2017

© ИП Головин, 2017

Содержание

Стрела	5
Искра	18
Меч	40
Искра	52
Меч	66
Перо	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Роман Суржиков

Лишь одна Звезда. Том II

Стрела

7-10 ноября 1774 г. от Сошествия

Лабелин

– Доброго вечера, милорд.

Голос леди Аланис напоминал звук колеса, которое лет двадцать не знало смазки.

Альтесса-тревога, делившая с Эрвином стол и кубок вина, проворчала ему на ухо:

– Ну, зачем ты ее впустил? Она чем-то недовольна, как всегда.

Догадка была не лишена оснований. Аланис пересекла комнату неторопливым мягким шагом, словно подбираясь к жертве. Прищуриль глаза, осмотрела свечи в витых канделябрах, кувшин вина и кубок, ароматическую лампу, в которой пузырилось масло, источая крепкий запах сандала. Остановила взгляд на самом Эрвине – тот сутулился в глубоком кресле, подбрав ноги и завернувшись в теплый зимний халат.

– Хм... Я так не вовремя, что вы даже не ответите на приветствие?

– Доброго вечера, миледи.

– Кажется, вы ждали кого-то другого?.. Обстановка буквально дышит романтикой.

– Просто пытался создать уют.

– Ах-ах...

Леди Аланис понюхала вино в кувшине, потеревила носком ковер на полу – до неприличия пушистый.

– А мне думается, милорд, вы ждали девушку. Разве девушка – не лучшая награда за славную победу?.. Быть может, две девушки?.. Или три?..

– У него уже есть девушка! Я! – вскричала тревога, но не была услышана.

– Чего угодно триумфатору? – продолжала герцогиня. – Белокровную южанку из Шиммери? Страстную западницу? Парочку полногрудых путевочек? Я слыхала, худым мужчинам, вроде вас, по нраву пышные девицы...

Эрвин устало вздохнул.

– Зачем вы пришли, миледи?.. Высказать недовольство? Лучше в письменном виде – мне так нравится ваш почерк. Пофлиртовать со мной? Простите, я в неподходящей форме, уже переоделся в халат. Хотите напиться, как и я? Тогда милости прошу. Только молча. И кубок всего один – не побрезгуйте из моего.

Злость вспыхнула в ее глазах, но быстро угасла, когда Аланис распознала тревогу и грусть в голосе Эрвина.

– Что-то не так, милорд?

Эрвин пожал плечами.

– Вы сами знаете: все превосходно. Вчера мы выиграли битву, потеряв двух человек. Кавалерия Лабелина бежала в неведомом направлении, пехота сдалась на милость победителя. Я предложил путевцам встать на нашу сторону, и пятнадцать тысяч согласились. Наступает зима, крестьяне голодны, амбары пусты, а я обещал харчи и оплату. Таким образом, наше войско выросло почти вдвое.

Аланис слушала Эрвина, все сильнее хмурясь с каждым словом.

– Сегодня мы вступили в город Лабелин. Герцог Морис не оказал сопротивления. Он бежал на поезде вместе с дворцовой стражей и ближайшими вассалами, прихватив фамильные Предметы. Я въехал в город во главе войска, облаченный в парадные доспехи, верхом на рос-

кошном коне. Мещане открывали ставни и смотрели на меня. Кое-кто кричал приветствия. У многих пехотинцев Южного Пути были друзья и родичи в городе. Все счастливы, что битва обошлась без крови. На главной площади нас встречали городские старшины и главы ремесленных цехов. Они раз двадцать назвали меня великодушным лордом и настоящим рыцарем, из чего следовало: они до жути боялись, что я отдам город на разграбление. Я велел им честно трудиться, как и прежде. Ввернул цитату из заветов Глории. Предложил снижение налогов на десятину в случае, если цеха оплатят налоги за два месяца вперед. Они согласились, и кузен Роберт получил в свое распоряжение две бочки серебра. Одна была сразу же роздана кайрам. Сейчас все войско, кроме вахтенного батальона, возносит хвалы богу виноделия и предается духовному общению с полногрудыми путевочками. Последним, кого я видел по пути сюда, был граф Майн Молот. Он выразил одобрение словами: «Тьма меня сожри, милорд!» – и предложил выпить на брудершафт.

– Ужасно, – сказала леди Аланис. – Как вы только терпите все это? Победа, слава, золото, любовь и преданность вассалов. Нелегка ваша доля, герцог Ориджин.

– Надо полагать, вы иронизируете?

– А вы?

– А как вы думаете, миледи?

Леди Аланис села в соседнее кресло, подобрав ноги, как Эрвин.

– Знаете, я пришла сюда с намерением выцарапать вам глаза. Во всем вашем триумфе, милорд, не нашлось местечка для меня! Я не шла рядом с вами впереди войска, не въезжала в город верхом на белом жеребце, не праздновала победу, не слушала песен. Весь день провела в закрытом фургоне, а вечер – одна в какой-то унылой комнате. Да, понимаю, мы шантажируем Галларда, и я должна скрываться. Если покажусь на глаза мещанам, шантаж потеряет силу... Но, черт возьми, вы могли придти и выпить со мною! Дать мне возможность поздравить вас с победой. Сделать хотя бы видимость, что я для вас что-то значу!

Возможно, здесь ожидалась просьба о прощении. Эрвин промолчал, но подал ей кубок. Кривясь, она поболтала вино в чаше.

– Вы действительно не ждете каких-нибудь девиц?

– Нет, миледи. А почему, собственно, это вас волнует?

Аланис выпила залпом.

– Вот почему. Вашей забывчивости обо мне и вашему мрачному одиночеству после победы могут быть два объяснения. Первое: я мешаю вам развлекаться. Но если это не так, то в силе второе: есть некая дрянь, что портит вам жизнь. Я хочу об этом знать.

Эрвин усмехнулся:

– Вы же понимаете, миледи, что дрянь на душе агатовца – самая интимная штука, какая только у него есть? Нужно быть очень близким человеком, чтобы заслужить право заглянуть в эту выгребную яму.

– Мне ли не понимать...

Леди Аланис сняла повязку с лица, повернулась так, что свечи осветили темный шрам и дырку в щеке.

– Достаточно интимно, лорд Эрвин?

– Х-ха. Красивый жест. Однако я начну с вопросов. Скажите, леди Аланис... вы с самого детства готовились в императрицы?

Она потемнела. Даже в мерцании огоньков было заметно.

– Вы издеваетесь, милорд?

– Простите, не хотел тревожить ваши раны. Ответьте и узнаете, зачем спросил.

– В четыре года впервые услышала, что стану владычицей. Все детство училась танцевать, соблюдать манеры, красиво говорить, распознавать гербы. Приходила обедать – отец говорил, например: «За столом сидят министр финансов, советник по науке, имперский генерал и кузен

великого лорда. Что ты скажешь, милая, и где сядешь?» Я говорила каждому правильные слова и выбирала себе положенное место. За ужином отец мог сказать: «У нас гость – рыцарь такой-то, на его гербе весло и два топора». Мне следовало понять, что рыцарь – из верхнего Нортвуда, спросить о новостях Севера и о здоровье его сюзерена (разумеется, назвав имя и род последнего). Если в Эвергарде случался бал, все танцы были из тех, что исполняются при дворе. Когда мы принимали гостей или выезжали на прогулку, или отмечали праздник – следовали придворному этикету. Папенька создал для меня мой собственный маленький императорский двор. Позже, в семь лет, я увидела и настоящий. Отец отдал меня на службу владычице Ингрид в качестве младшей фрейлины. Я прослужила три года во дворце Пера и Меча. В десять лет знала о тамошних порядках все, что только можно. Затем вернулась в Алеридан и еще четыре года помогала отцу управлять Альмерой. Двенадцати лет от роду я могла наизусть прочесть бюджет герцогства, как стишок. Знала, сколько искровой силы дают цеха и на что она идет, почему со стекольных гильдий следует брать двадцать сотых подати, с часовых – двадцать пять, а с гончарных – всего семнадцать. Бывала на судебных заседаниях, и папенька спрашивал: «Полагаешь, виновен этот человек? К чему бы ты его приговорила?» Я редко ошибалась... Когда исполнилось четырнадцать, отец послал меня в пансион Елены-у-Озера, и там, в сравнении с предыдущим, было очень легко. Да, милорд, все время, сколько себя помню, я училась управлять государством.

– А ваша подготовка включала в себя близкое знакомство с семьей императора?

– Естественно! Начиная от подвигов Ольгарда Основателя и Юлианы Великой, кончая тем, какой сорт мороженого владычица Ингрид предпочитала на ужин.

– Меня больше интересует ее сын Адриан.

– Что желаете узнать о нем, милорд? Как он раскрыл тайну Предметов? Простите, это мне неизвестно.

– Нет, другое...

Эрвин наполнил чашу, двое по очереди приложились к ней.

– Начну издалека, миледи. Герцог Морис Лабелин бежал из города этой ночью. Он собирався в спешке, потому взял лишь самое ценное: Священные Предметы, драгоценности, искровое оружие, охрану. Голубей он оставил – видимо, не имел времени подумать о них. Мои люди схватили мастера-почтовика. Нет, иначе: он сам пришел к нам и предложил купить кое-что... Знаете, эти ленточки, которые цепляют на птичью лапку, слишком узки. На них поместится лишь самый мелкий шрифт, многим лордам неприятно разбирать подобный бисер. Почтовик обязан переписать сообщение на обычный большой лист и подать его лорду, а ленточку сжечь. Но почтарь Лабелина схитрил и припрятал ленточки, полученные последним временем. Думал: не найдется ли желающий купить сведения? Нашлись мы.

Эрвин вытащил из кармана халата ворох лент и протянул Аланис.

– Если интересно, можете просмотреть. Главное в них вот что: Адриан с большими силами идет через Надежду в Литленд, готовясь к битве против Степного Огня. Последний, кстати сказать, одержал две крупные победы и ряд мелких, движется к столице Литлендов – Мелоранжу. Так что Литленды в отчаянном положении, но речь не о них. Адриан ушел на юг. С ним большие силы. Какие именно – слухи рознятся, но не меньше восьми полков. В Землях Короны остался генерал Алексис Смайл всего лишь с семью из пятнадцати искровых полков.

– Разве это новость?.. – удивилась Аланис. – Ваш человек из столицы уже сообщал об этом.

– Да. И я не верил ему. Думал, его схватила протекция и заставила слать ложные сведения. Я полагал, Адриан ждет нас в засаде, каковая находится примерно вот здесь.

Эрвин развернул карту, указал место. Аланис склонилась поближе, волосы упали ей на лицо, она отбросила их за плечи.

– Видите, миледи: южнее Лабелина есть этакий треугольный карман, образованный впадением Милы в Ханай. Если мы не хотим форсировать Ханай (нелегкая задача), то нам придется пересечь Милу и войти в этот карман. Местность там равнинная – идеальная для искровой пехоты. Мост через Милу – всего один. Значит, отступить не получится. Мы более мобильны, чем Адрианова пехота. В любом другом месте сможем избежать боя, если захотим. Но между Милой и Ханаем император поймает нас в капкан и истребит одним ударом. Именно это он планирует, именно потому не помог Жирному Дельфину. Герцог хотел принять бой севернее города, чтобы сохранить его. Адриан хотел боя южнее города – чтобы наверняка уничтожить нас. Все складывалось воедино при одном допущении: наш агент в Фаунтерре лжет.

Он поворошил ленты в руке Аланис.

– И вот теперь эти письма. На них печати разных дворян из Фаунтерры, Маренго, Сердца Света, Фарвея... У Жирного Дельфина оказалось много друзей, и все как один сообщают: владыка с войском ушел на юг. Мои люди сейчас пытаются мастера-почтовика и завтра дадут результаты. Но я убежден: ленты – не подделка. Сообщения подлинны. Что приводит нас к ответу на ваш вопрос: отчего я не забавляюсь с девушками? Потому, миледи, что боюсь. До сих пор Адриан был сильнее меня, но я хотя бы понимал, как и когда он собирается нас разбить. Теперь – ни малейшего понятия. Я будто снова иду по болоту, и сеть подо мною в любой миг может порваться.

– Это вся дрянь, что скопилась у вас на душе?

– Нет, миледи, имеется второй том. И снова позволю себе зайти издалека.

Аланис Альмера удобно устроилась в кресле, подперев подбородок кулачком. Ее поза выражала полное внимание.

– Теперь поговорим о моих полководцах. Я не имел возможности выбирать командиров, они достались мне вместе с армией, и по ряду причин я не мог заменить их. Высшие офицеры моей армии относятся к одной из двух пород. Из первой – граф Лиллидей, граф Майн, бароны Близняшек, бароны Побережья. Это прим-вассалы Дома Ориджин: лорды, что привели на войну своих собственных кайров. Естественно, я не имею возможности отобрать рыцарей у их лорда и отдать под командование другому человеку. Это даже не обсуждается.

– А вторая порода?

– Офицеры, некогда назначенные моим лордом-отцом командовать батальонами Первой Зимы. Таковы полковники Хортон и Блэкберри, капитаны Деррек и знакомый вам Хэммонд, мой кузен Роберт и многие другие. В чистой теории я мог бы переназначить их... Но большинство из них служили отцу много лет, бывали с ним в великом множестве сражений – как правило, победоносных. Что самое неприятное: рядовые воины редко видели самого герцога Десмонда, но часто – своего прямого командира. Для многих кайров герцог Ориджин – лишь громкое имя, в то время как их личная преданность адресована Хортому или Блэкберри, или Хэммонду... Нужно иметь веские причины, убедительные для солдатских умов, чтобы заменить подобную фигуру. Я не нашел таких причин. Мои офицеры гонористы, мрачны, упрямы, как быки, и абсолютно уверены, что все знают о войне. Но чего еще ждать от офицеров-северян?.. Мои – ничем не хуже прочих.

Аланис поморщила губы:

– Итак, вы, милорд, стерпели и взяли в помощники людей, которым не вполне доверяете. Простите мне прямому, но это – глупость. Слова «лорд» и «стерпел» абсурдно смотрятся рядом.

– Немного не так, миледи. Я доверяю этим людям. Не доверял лишь двоим из них – графу Флемингу и барону Уайту, потому сейчас один в Запределье, а второй в темнице. В остальных я уверен ровно так же, как в глыбе камня или дубовом таране: они не предадут и не обманут, с их помощью можно ломать стены, а если я велю им стоять на месте, противник скорее надорвется, чем сдвинет их. Беда лишь в одном: мне самому столь же трудно сдвинуть их с места. Всякий

раз, как я предлагаю тактику, прежде не испытанную отцом, мои командиры упирают копыта в землю и выставляют рога. Я борюсь с ними едва ли не чаще, чем с противником.

– Но вы взяли город без потерь, милорд! Любой, самый заскорузлый вояка, должен оценить это!

– О, да. Все предыдущее было вступлением, а теперь мы подходим к смысловой части. Сегодня, получив голубиные ленты, я созвал небольшой совет. Уже тогда во мне зарождались сомнения. Наступать или выжидать? Идти вперед – с риском угодить в ловушку, о которой я ничего не знаю? Или остаться на месте – собрать дополнительные войска, дожидаться Нортвудов, натренировать путевцев, что перешли к нам, стать намного сильнее... но, вероятно, упустить единственный шанс, который нам дается? И вот я спросил полководцев: как поступить? И почти все ответили: наступать! Лиллидей сказал: «Ваш отец, милорд, не был сторонником поспешных действий, но и не мешкал, если дела шли удачно». Роберт сказал: «Мы взяли Лабелин без боя, на одной твоей доблести, кузен. Ясно, что Светлая Агата всей душой за тебя. Она хочет, чтобы мы побеждали. Остановимся – лишимся ее помощи». Блэкберри сказал: «Не особо надейтесь на восстание западников. Они – лихие бойцы, но не настолько, чтобы справиться с искровой пехотой. Адриан быстро покончит с ними и вернется». Хортон добавил: «Зима на подходе. Ляжет снег – наступать станет трудно. Задержимся в Лабелине – застрянем до весны. К тому времени Адриан укрепитяся». Деймон же сказал: «Зададим им жару, тьма сожри! Как били, так и будем бить!» А граф Молот хохотнул в знак согласия.

– Словом, все за наступление?

– Кроме одного – генерал-полковника Стэтхема. В этом командире упрямства и гонору вдвое больше, чем во всех остальных, поскольку он принадлежит сразу к двум породам. Он – барон Овечьих Долин, в его землях живет больше восьмидесяти тысяч крестьян, так что он – один из крупнейших лордов герцогства. Кроме того, отец вверил ему один из своих батальонов горной стражи, и Стэтхем двенадцать лет командовал им наравне с собственными отрядами. Он так гордился военными успехами, что с некоторых пор перестал зваться бароном, а говорил неизменно: генерал-полковник Стэтхем. Военный чин для него стал важнее, чем титул, полученный с кровью. Вот этот человек до сей поры находился в самой яркой оппозиции ко всем моим планам. Что бы я ни задумал, Стэтхем находил довод за то, что моя идея плоха. И сегодня, будучи в сильнейшем сомнении, я был уверен: Стэтхем без колебаний заявит: «Вперед и только вперед!»

– А он поступил иначе?..

– Ваша стратегия, милорд, – сказал Стэтхем, – работала только за счет внезапности. От вас не ждали похода к побережью – и вот, побережье наше. Не ждали, что вы вернетесь к Дойлу – теперь и Дойл за нами. Никто не мог подумать, что вы вооружите пехоту арбалетами и что вспомните обычай поединков чести, – в результате взят Лабелин. Вы малоопытны и не искушены в тактике, милорд. Вы не умеете распознать шанс, а также слишком боитесь потерь и бережете солдат. Но у вас как военачальника есть один важный козырь: вы непредсказуемы. Двинувшись сейчас на юг, вы от него откажетесь. Самый дурной имперский генерал ждет нашего наступления. Прикажете наступать – и потеряете внезапность. Имеете ли в запасе другой козырь, милорд?

– Что вы ответили на такую наглость?!

– Ответил вопросом на вопрос: «А вы понимаете, генерал-полковник, в чем состоит ловушка?» Он сказал: «Никак нет, милорд». «Где она будет? – спросил я. – Как ее избежать?» «Не могу знать, милорд», – отрезал Стэтхем. «Тогда что предлагаете делать?» – спросил я. Он ответил: «Не то, чего ждет враг, милорд». Это и все. Конкретных идей он не имел, и скоро все вновь заговорили о нашем славном наступлении. Я же остался в сильнейшем смятении, миледи. В нем пребываю и сейчас.

– Это всего лишь один человек! Один старый упрямый осел, нелюбимый вами.

– Этот осел, однако, умеет сражаться.

– Как и остальные!

– Но он был в меньшинстве. Я трепетно отношусь к особым мнениям. Понимаете ли, миледи, я ведь и есть ни что иное, как особое мнение...

Аланис придвинулась и тронула его плечо.

– Какую помощь я могу оказать вам?

– Помогите советом. Вы мало знаете о войне, но лучше всех нас знаете Адриана. Есть ли возможность, что он совершил ошибку? Ушел на юг, не подготовив нам сюрприза? Понадеялся на армию Южного Пути? Не ожидал, что мы возьмем город? Или полагал, что мы останемся зимовать в Лабелине? Или положился на Серебряного Лиса с его семью полками?.. Словом, скажите, миледи: о чем он думал?

Сделав несколько глотков, она облизнула губы и ответила:

– Это вино настраивает на ностальгию. Так и хочется вспоминать истории из детства... У владычицы Ингрид были длинные и густые волосы – прямо львиная грива. Расчесывать их могли только фрейлины: слугам не полагалось касаться головы ее величества. Девочки не любили это дело, боялись: волосы густы, владычица вспыльчива. А я любила – мне нравилось, какова грива на ощупь. Однажды я чесала ее, и тут Адриан зашел к матери. Поговорил с нею о чем хотел, потом сказал: «Мама, прошу вас, дайте леди Аланис другую обязанность». «Почему?» – спросила ее величество. Он пояснил: «Ей нравится расчесывать вас. Она часто делает то, что хочет. Отец дал Альмере третий искроцех, влияние этой земли растет. Может быть, именно леди Аланис станет моей невестой. А владычица должна понимать: приходится делать то, что следует, а не то, чего хочется». Адриан заметил, что мне нравится расчесывать, и предусмотрел, видите ли, что это пойдет во вред моему характеру, что взволновало его в контексте растущего влияния Альмеры! Милый Эрвин, мы враждуем с очень и очень дальновидной сволочью. Я бы не надеялась, что он где-то чего-нибудь не предусмотрел. Если была возможность, что мы возьмем Лабелин, – Адриан подумал о ней. Если есть шанс, что Серебряный Лис не справится с нами, – Адриан подумал и об этом. Если ваши полководцы советуют идти на столицу – Адриан предусмотрел вариант, что вы прислушаетесь к совету.

– Скверно, – сказал Эрвин и приложился к кубку.

Аланис нежно погладила его.

– Четырнадцать футов, да?..

– Что – четырнадцать футов?

– Длина тех копий, что вы дали своим кайрам. На фут длиннее обычных. Вы устроили дурацкий турнир под Дойлом, чтобы выбрать лучших поединщиков войска. Но даже лучшие не спешили бы троих врагов подряд, а вы ожидали, что путевцы сыграют нечестно. Потому вы подыграли своим рыцарям и дали им копия подлиннее: ненамного, чтобы это не бросилось в глаза. Весь ход событий вы предвидели уже в Дойле. Агата не зря зовет вас своим внуком!

– Агата до сих пор не сказала мне, как разбить императора.

– Но у вас есть я, милорд! Чем я не Агата?! – герцогиня расправила плечи, горделиво вскинула голову.

– Вы не полководец.

– Как и вы! Но вы одерживаете победу за победой, а я понимаю, как вы это делаете. И никто на свете не знает Адриана лучше, чем я. Давайте же вместе найдем путь к триумфу.

– Агата может понять Агату?.. – слабо улыбнулся Эрвин.

– Конечно. Неужели сомневаетесь?

– Что ж... У меня мелькнула одна мысль... Я еще ни с кем не делился ею. Она вовсе не гарантирует победы, и настолько рискованна, что даже мне становится жутко.

– Это звучит очень соблазнительно, милорд! Прошу, поделитесь со мною.

– Ладно, – сказал Эрвин и сполз с кресла на ворсистый ковер. Расстелил по полу карту герцогства и схему города Лабелина. Аланис села рядом, прильнув к его плечу. Он начал:
– Под улицами города, как видно на схеме, пролегают большие катакомбы...

* * *

Весной и осенью, во время дождей, низинный город Лабелин превращался в огромный водосборный бассейн. Миллионы галлонов воды стекали с крыш, грязными потоками хлестали на улицы. Вода переполняла канализационные стоки, и нечистоты всплывали на поверхность, затапливая город, как зловонную клоаку. С этим нужно было бороться.

Чтобы справиться с бедствием, прадед нынешнего герцога начал строительство подземного этажа города – катакомб. Использовались карстовые щели и полости, имевшиеся в здешних местах. Люди рыли искусственные пещеры, соединяли полости в единую сеть, прокапывали туннели, ведущие к реке. Год за годом росло подземелье, отводящее лишнюю воду, спасающее город от потопа. Сейчас, спустя век, катакомбы почти не уступали по площади наземной части Лабелина. Полной и точной их карты не имелось ни у кого.

Пещеры расслаивались на несколько уровней, и верхние из них никогда не заливались полностью, даже во время сильнейших дождей. Их звали сухими катакомбами. Имя отчасти грешило против истины: весной в сухих катакомбах текли ручьи по щиколотку, а то и по колено, но не по шею, как в более глубоких пещерах.

Сухие катакомбы облюбовали в качестве убежища самые презренные жители Лабелина: бездомные, нищие, уличные воры, грабители и мошенники, вымогатели и сутенеры – словом, все те, при виде кого мещанин отвернется и ускорит шаг, а воин возьмется за меч. Никто не знал, сколько этих грешных душ вмещали катакомбы. Самые скромные прикидки давали никак не меньше двух тысяч. По этой причине шериф Лабелина, имевший в подчинении шестьсот констеблей, предпочитал не соваться в пещеры без крайне веской причины. Бездомная братия, в свою очередь, старалась не давать ему излишне веских поводов.

Ни один самый наглый лжец не сказал бы фразы вроде: «В катакомбах происходит то-то и то-то», – ибо все знали, что никто этого полностью не знает. Но не будет ложью утверждать, что в восточной – самой теплой – части пещер имеется зал, прозванный Казаном за округлый и гладкий потолок. Казан примечателен не одним лишь потолком, а и всей обстановкой. Здесь стоят два стола – нижний и верхний, как принято в домах богачей. Нижний сколочен из полудюжины столешниц разного размера, так что напоминает состав с пятью вагонами. Верхний возвышается на помосте, и всем хорошо видны его лакированные ноги из красного дерева со львиными мордами внизу. На стенах Казана висят всевозможные диковинные предметы: алебарда, двухфутовая священная спираль, голова статуи Людмилы, портрет глазастого мужика в берете, связка амулетов от порчи, гнутое серебряное зеркало, несколько бутылей вина, оплетенных лозой. Между зеркалом и спиралью намалеван углем контур грудастой бабы.

На третий день после прихода северян в Казане сидели полторы дюжины парней. За нижним столом разместилась пестрая компания. Здесь были два брата-близнеца, курчавых, словно черные бараны; слепец в плаще со стоячим воротом; бородатый моряк, исполосованный шрамами; хмурый тощий подросток, ковырявший ногти ножом; седой дед в ливрее, похожий на дворецкого, и еще несколько мужчин. Единого занятия у этих людей не было: кто играл в кости, кто вел разговоры, кто слушал песню, попивая горькую дубовку.

За верхним столом сидели четверо. Здесь были Томпсон и Хмык – высокие жилистые парни в серых сюртуках (у Томпсона новый, у Хмыка – с заплатами на локтях), затем Крот – мелкий и скользкий, с неприятно острым носиком, а возвышался над ними Олаф – самый заметный господин во всем здешнем обществе. Он выделялся абсолютно всем, а прежде всего – диковинной бородой: она была разделена надвое и окрашена в синий цвет. Каждая полуобо-

родка затвердела от краски и напоминала острую сосульку. Одет был Олаф в синие шаровары, остроносые сапоги и алый камзол со множеством золотых пуговиц: они крепились не только там, где пуговицам следует быть, а и в совсем неожиданных местах, скажем, на воротах и плечах. Олаф взирал на столы свысока, будто всадник на пехотинцев, поскольку восседал на бочке. Для мягкости крышка ее была устелена овчиной, а сзади приколочен отгрызок другой бочки, образующий нечто вроде спинки трона. На нижней бочке слева имелся краник, из коего Олаф подливал жидкости себе в кубок, а справа – крючок, на котором висел взведенный арбалет.

Дополняли честную компанию два музыканта. Один играл на штуковине вроде арфы, только с плоской доской, а второй покручивал шарманку. Они пели про Джека, что очень любил свою Мышку. Джек грабил дилижансы, рискуя головой, и покупал Мышке платья да браслеты. В платьях да браслетах Мышка ходила гулять в город, там и встретила шерифа. Тот положил на нее глаз и стал охмурять, а Мышка ответила: «Не пойду к тебе, ясный сокол, больно Джека боюсь. Он лихой у меня, не моргнет – зарежет». Шериф отвечал: «Не робей, конфетка, Джеку будет управа. Ты мне только скажи...». Она сказала, и следующим днем Джек попал в засаду. И вот на галере он тянет весло, а сам думает...

Песню слушали ребята за нижним столом. Но из верхних лишь Томпсон иногда качал головой и хмурился, остальные не обращали на певцов никакого внимания. Крот вел рассказ:

– Ну, вы знаете, у меня шестая комната – особая. Пускаю туда только самых сладких девочек, а в стенке имеется отверстие. Ведет в седьмую комнату, там у дырки стоит стул. Ну, я и даю поглядеть за совушку.

Совушками называли глории – очень уж знатные глазища были у Праматери на монетке. Агатки именовались перьями, а елены – фонарями: по рисункам на обороте.

– Так вот, позавчерась один чинуш снял рыжую. А рыжая – девка ого, к ней, бывает, очередь стоит. Вот и тогда сидит один пузан, говорит: «Никого не хочу, рыжую дождусь». Я ему: «Поглядеть хочешь?» Он заплатил, пошли мы в седьмую. Усадил пузана на стул, он к дырке так и прилип глазом. А звук тоже проникает, я и слышу: тот чинуш что-то нашептывает рыжей. Прислушался получше – вот же стервец! Соблазняет рыжую уйти с ним насовсем! Говорит: «Будешь только моей, ничьей больше! Хочешь?» Она не дура, отвечает: «Ишь, какой смелый – насовсем! А деньги-то у тебя есть?» Он говорит: «Еще какие! Я не просто какой-то чинуш, я – кассир в банке Шейланда!» Рыжая: «Врешь, наверно. Одет простенько». Чинуш: «Это нам так полагается по форме. Но через мои руки знаешь какие деньги проходят!..» Тут я наострил уши. Вернул пузану его монетку и вытолкал из комнаты, сел сам слушать. Чинуш там, в соседней комнате, совсем разошелся: «Из нашей банковской точки каждую неделю две тыщи вывозят! Что ни неделя – то две тыщи! Говоришь, у меня денег нету? Это у меня-то нет?! Да ты со мной заживешь, как принцесса!»

Крот говорил с неприятным присвистом – из-за нехватки передних зубов. Двубородый устал от его болтовни и сказал:

– Так что? Короче давай.

– Ты слышал, Двубородый, две тыщи каждую неделю! Вот что! И речь не о перышках шла, а о самых настоящих желтяках! Положим, чинуш приврал, и там не две тыщи, а одна, но все равно! С налету тыщу желтых можем взять!

Олаф потерял правую бороду, что было признаком раздумий или легкого раздражения, и ответил:

– Банк Шейланда самый надежный.

– Двубородый, я пошел на ту точку и поглядел. Там стерегут всего пять рыл в железе. Соберем дюжину, налетим по-шустрому и все обтяпаем. Каждый возьмет по полсотни желтых, а мне сто, а тебе – триста.

– Дубина, – буркнул Олаф. – Банк Шейланда самый надежный потому, что честно платит мне мзду. У него нет проблем и у меня нет проблем. Кто сунется к Шейланду, свяжется со мной.

– Платит тебе? Неужто целых триста желтых? Верно, меньше!

– Не твое дело, сколько. Платит, сколько нужно. Ты понял меня?

– Но Двубородый...

Сидящий на бочке от злости взялся за левую бороду.

– Что но?

Крот опомнился:

– Никаких «но». Прости, Двубородый.

– Что прости?

– Прости дурака. Сказал, не подумав.

– Слепая тварь. Надоел. Пошел отсюда.

Сидящий на бочке схватил кубок Крота и швырнул под нижний стол. Остроносый мужичок схватился с места и резво убежал следом за чашей. Кто-то из парней хохотнул, Хмык сказал:

– Хмык...

Олаф отпустил левую бороду и тут же улыбнулся, словно злость прошла за миг.

– А ты, Лысый Фред, ступай ко мне. Садись рядом.

Невысокий парень, косматый настолько, что глаза едва проглядывали сквозь шевелюру, перешел от нижнего стола к верхнему.

– Как дела, Фред?

– Да помаленьку, Двубородый.

– Говорят, хорошо перья стрижешь.

– Я-то что, я скромно... Это место прибыльное. Перышки сами в руки летят, а я от них отмахиваюсь. Но иногда устаю, тогда уж беру.

– Ты – хороший парень, Фред...

– Сука! – процедил Томпсон.

Лысый Фред опешил:

– Ты чего это, а?

– Сука она, – буркнул Томпсон и стукнул по столу обручальным браслетом.

– Жена твоя?

– Моя.

– Что сделала?

– Да ничего.

– Скурвилась?

– Нет.

– Монету скрысила?

– Нет.

– Изменила?

– Да нет вроде.

– Чего ж сука-то?

– Чую... – Томпсон поскреб грудь и с горечью повторил: – Чую, что сука.

Надо сказать, Томпсон славился чутьем. Трижды уходил от облав, ни разу не попадался. А денег настриг столько, что купил себе хату. Давно уже не жил в пещерах, только навевывался на огонек.

– Чуешь, что изменит?

– Нельзя бабам верить... – ворчал Томпсон. – Ведь нельзя же. Все говорят, вон и песня о том. А я все равно... Люблю ее, что тут сделаешь.

- Хмык, – сказал Хмык.
- Пойду, наверно... – Томпсон невесело покачал головой.
- К ней?

Тот не успел ответить: на пороге появился Бурый – один из парней, что стерегли вход.

- Двубородый, к тебе пришли.
- Кто?

– Большой, а с ним еще восьмеро.

– Восьмеро? Не было уговора, чтобы Большой водил такие толпы!

– Мне его отослать? – спросил охранник, но как-то вяло и с сомнением. Не хотелось ему отсылать Большого. Отчего-то не лежала душа к совершению попытки.

– Пусть войдет, – буркнул Двубородый и трижды стукнул костяшками по бочке. Его подданные насторожились, многие опустили под стол правые руки.

Человек, что вошел в Казан, имел никак не больше пяти футов росту. Одет был помещански: в башмаки, чулки, бриджи, рубаху и камзол, – потому среди здешней компании смотрелся нелепо. На круглой его мордашке топорщились густо напомаженные усики. Щечки человека были до того мягкими и рыхлыми, что так и тянуло хорошенько врезать ему по челюсти. Ничто во внешности этого типа не оправдывало его прозвища – Большой. Увидав его впервые, никак не поймешь, что перед тобой – шериф города Лабелина.

– Здравствуй, Большой Человек, – сказал Двубородый. – С чем пришел к нам?

– Приветствую, Сидящий-на-Бочке, – ответил шериф, тряхнув щеками. – С добром пришел, посидеть по-свойски...

В подтверждение благих намерений шериф вынул крупную серебряную монету и бросил в прорезь ящика, стоявшего у входа. Двубородый нахмурился сильнее.

- Говорят, ты пришел не один.
- Да, есть такое. Один человек очень хотел повидать тебя, Двубородый...
- Вернее, восемь человек.
- Ну, да... Они очень хотели и, знаешь, я не смог им отказать.
- Это почему?
- Знаешь, Двубородый, бывают на свете такие люди, которым отказать сложно.

И он прошел дальше в зал, махнув рукой своим спутникам. Один за другим порог переступили восемь человек. На семерых были черные плащи и черные куртки, надетые поверх кольчуг. На груди каждого краснел крест вроде буквы Х, на поясах внушительно болтались мечи. Светлоглазые скуластые угрюмые лица выдавали северян. Восьмой человек отличался от прочих: он был худ и немного сутулился, вместо креста носил на груди серебристый вензель, а губы кривил в ухмылке – не то надменной, не то брезгливой. Восьмой заставил Олафа напрячься и опустить руку поближе к арбалету. Парней с оружием, даже таких серьезных, как эти семеро, Двубородый повидал на своем веку. А вот восьмой принадлежал к особой породе – редкостной, прежде не виданной. И не сказать, чтобы Олаф горел желанием сводить знакомство с этой породой.

– Вы кто? – спросил Двубородый.

– Простите, судари, что мы прервали вашу трапезу, – с тенью насмешки произнес восьмой. – Я – Эрвин София Джессика, герцог Ориджин, с недавних пор властитель города Лабелина. Со мною Роберт Эмилия Герда, мой кузен, и шестеро славных кайров. С кем имею честь беседовать?

Олаф погладил правую бороду. Не нравилось ему все это, и крепко не нравилось. Если бы была такая молитва, чтобы события откатились на пять минут назад, повернули и пошли как-нибудь иначе – Олаф прочел бы ее не раздумывая.

- Я – Олаф Двубородый, Сидящий-на-Бочке, Король Теней и Хозяин Пещер.
- Король, стало быть?

– Король Теней!

– Очень приятно познакомиться! – улыбнулся герцог. Зубы у него были такие белоснежные, что аж смотреть противно. – Очень-очень приятно. Хотя будет приятнее, если твои люди, Король Теней, положат руки на стол, чтобы я их видел.

Возникла заминка. Черные плащи герцога рассыпались по залу. Их было вдвое меньше, чем подданных Олафа, но Двубородый не поставил бы и медяка на это численное превосходство. Скверное дело. Вот бывает же так: день начинается как любой другой, но вдруг раз – и уже не день, а глубокая задница.

– Ладно, парни, покажите руки, – принял решение Олаф. – Нечего нам тревожиться, ведь его светлость пришел с добром. Верно, ваша светлость?

– Святая истина, ваше величество! – сказал герцог. – Мне следует звать тебя вашим величеством, правильно?

– Да, это было бы неплохо, – кивнул Олаф Двубородый.

– Тогда не соблаговолит ли ваше величество убрать руку от арбалета, пока ее не отрубили ко всем чертям?

Олаф положил ладонь на колено.

– С чем пожаловали, ваша светлость?

– С добром, как и сказало ваше величество. Только с добром! Так сложилось, что ваше величество правит подземным Лабелином, а я – наземным. Не худо бы двум правителям свести знакомство, правда?

– Не худо, – проворчал Олаф, теребя бороду. – Кто приходит с добром, ваша светлость, тот кладет монету вон в тот ящик у входа. Это на благополучие нашего стола, чтобы елось сытно и пилось вкусно.

Герцог покачал головой.

– Я не стану класть монетку в ящик. Одна жалкая монетка – разве это дар, достойный твоего величества? Роберт, будь добр...

Один из северных мечников скинул с плеча мешок и бросил на стол. Тяжело лязгнул металл. Мечник, названный Робертом, развязал горловину, и глаза Олафа поползли на лоб: мешок был полон серебра – десяток совушек просыпался на стол, а внутри оставались еще сотни и сотни.

– Какая-то шутка? – процедил Олаф, чувствуя в ладони зуд. Метнуть бы руку на приклад арбалета и пустить болт прямо в наглую ухмылку герцога. Отрубят или нет – это еще вопрос. Авось и не успеют...

– Никаких шуток, – ответил северянин. – Деньги – тебе. Но это не совсем дар, как ты мог подумать. Скорее, задаток.

– Задаток?..

– Моей светлости нужна помощь твоего величества. Дело простое, заплачу щедро. Что скажешь?

Олаф не смог скрыть замешательства и потер челюсть аккуратно во впадине между половинами бороды.

– Отчего бы твоим людям, светлость, не присесть за стол?

– Не вижу причин отказываться, – пожал плечами герцог.

Парни Олафа посторонились, северяне разместились за столом.

– Крой, налей-ка хорошего вина, – приказал Двубородый.

Дед в длиннополой ливрее извлек из-под стола бутылку, откупорил размашистым жестом фокусника, наполнил чаши гостям и людям Олафа. Свои выпили, чужаки даже не притронулись. Крой спал с лица:

– Не по вкусу мое вино? Зря вы так, ваша светлость! Попробуйте – ахнете! Это из подвалов самого барона Хершильда. В шестьдесят втором собрано, в шестьдесят четвертом закуплено, в семьдесят третьем украдено... Хорошее вино, ваша светлость!

Крой сделал глоток из горлышка, закатил глаза.

– Ах-хх!

Герцог пригубил вино:

– Действительно, неплохое...

– Вооот! Я-то знаю в этом толк. У меня, если угодно, тридцать лет опыта. При владыке Адриане промышляю вином, и при старом императоре промышлял, и при владычице Ингрид тоже, и при...

– Довольно, Крой! – рявкнул Олаф. – Так чем я могу помочь вашей светлости?

– Для начала скажи, величество, сколько у тебя подданных?

Точного ответа Олаф не знал: как сосчитать всех нищих, воров и дельцов Лабелина?.. Тех, что исправно платили Олафу мзду, было тысяча двести. Говорить правду он, конечно, не собирался. Задумался над тем, соврать вверх или вниз, и решил, что вверх будет лучше.

– Две с половиной тысячи парней, ваша светлость.

– Прекрасно, – кивнул герцог. – В мешке три тысячи глорий. Ты раздашь по одной каждому своему человеку, а остальные пятьсот возьмешь себе.

– Возьму себе?

– Да, величество.

– Когда возьму?

– Да хоть сейчас.

Олаф потер правую бороду и велел:

– Хмык, подай-ка мне совушки.

– Хмык, – ответил тот и принес Двубородому мешок.

Олаф запустил ладони вглубь серебра. Оно было прохладным, гладким, приятно рассыпчатым. Не сказать, что Олаф просиял, но на душе стало как-то спокойнее. Может, не так уж и плох этот день.

– Ты говорил, ваша светлость, что дело простое. Расскажи-ка о нем.

– От тебя и твоих людей, величество, нужно следующее. В назначенный день по моему знаку вы соберетесь и пойдете на север, за город. Выйти должны все две с половиной тысячи душ, никак не меньше. Примерно в двадцати милях от Лабелина есть сгоревший монастырь Праотца Максимиана. Вы придете туда и пробудете там сутки. Затем получите остаток оплаты и вернетесь в катакомбы.

– Всего-то?

– Почти. Перед выходом оденете на себя то, что я дам.

– Когда дашь?

– Позже. Но не бойся, одежда хорошая, стыдиться не придется.

– И это все?

– Еще одна малость. Я хочу знать о катакомбах все, что знаешь ты.

Сидящий на бочке мрачно запустил пальцы в левую половину бороды.

– Катакомбы надежно хранят свои тайны, ваша светлость. Потому они и зовутся Королевством Теней.

– О, не беспокойся, величество, меня не заботят тайны твоих подданных. Хочу знать лишь о самих катакомбах. Где есть выходы из них, как сообщаются меж собою, как быстро добраться под землю из района в район? Буду очень признателен, если позволишь моим людям осмотреть твои владения.

– Хм... Какая будет доплата?

– По елене каждому парню. А тебе – пятьсот золотых.

Кто-то за столом присвистнул, у Лысого Фреда отвисла челюсть. Хмык сказал: «Хмык», и герцогский кузен Роберт почему-то глянул на него с уважением.

– Зачем оно тебе, ваша светлость?

– А вот это тебя не касается, величество. Я же не спрашиваю, отчего вы с шерифом Лабелина так сдружились.

– Угу, – буркнул Олаф.

Поразмыслил, хлебнул горькой. Чем дольше он думал, тем меньше чувствовал подвох. Герцог казался очень серьезным парнем, из тех, кому тысяча эфесов – не деньги, а сто человек – не жертва. Не стал бы он сам ходить в катакомбы, ломать комедию, если бы просто хотел напакостить Двубородому. Послал бы своих мечников, и всего делов. Но нет, пришел самолично, а значит, не врет, взаправду нуждается в услуге. Оплату же предлагает достойную, и не только о деньгах речь: возможность поладить с новым хозяином города тоже немало стоит.

– Согласен, – сказал Двубородый и спрыгнул с бочки. Подошел, протянул руку герцогу северян. – Проверну для тебя дельце.

– Вот и прекрасно, – герцог сжал ладонь Олафа.

Двубородый кивнул музыкантам:

– Врежьте что-то веселое за здоровье его светлости.

– «Персики» пойдут?

– Можно и «Персики».

Парни запели под разухабистый мотив. Один брэнчал по струнам, другой не крутил шарманку, а пристукивал по крышке. Каждый куплет песни был про персики, только персики эти значили всякий раз новое: то фрукты, то девичьи груди, то пухлые кошельки купцов, а то и железные шарики на кистене. Северяне наострили уши – прежде не слыхали такого. Кто-то стал покачивать головой в такт, кто-то похлопывать по столу, Роберт даже разок улыбнулся – словом, песня пришлась по душе. Седой Крой начал снова нахваливать вино, и герцог приложился к чаше.

Томпсон вдруг спросил:

– Ваша светлость, а вот скажите: можно верить бабам?

– Откуда мне знать?.. – удивился герцог.

– Так вы же целой землей правите! Чтобы с бабами не разобрались – быть того не может.

Вы только скажите: они все суки или не все?

– Сложный вопрос... Одной женщине я точно верю.

– Кому? – Томпсон аж привстал, надеясь услышать в ответ: «Своей жене».

– Моей леди-сестре Ионе.

– Вот же тьма...

Томпсон понурился и долго сидел молча. Потом встал из-за стола:

– Все, Двубородый, бывай.

– Ты куда?

– Да к ней... Сегодня три года, как поженились. Ждет она...

Искра

Начало ноября 1774 г. от Сошествия

Уэймар

Здравствуй, милая южанка. Знаю, что ты не прочтешь эти строки, и все же пишу. Мне мучительно надоело говорить с собой, а больше – не с кем.

Вообще-то, замок полон людей. Гарнизон – примерно две сотни: по роте лучников и пехотинцев; сорок северян, что прибыли с Ионой; две дюжины рыцарей графа; парни лорда Мартина (они зовут себя егерями, но больше напоминают разбойников); отряд Эфа, кастелян с семьей, графские гости, старый Нортвуд с секретарем, еще с полсотни слуг да десяток графских поверенных по финансовым делам. Общим счетом набирается почти четыреста человек. Однако до разговора со мною, более содержательного, чем «Да, ваше высочество, нет, ваше высочество», снисходят трое.

Граф Виттор Шейланд охотно беседует со мной. Он всегда мил и всегда лжет. Иногда играет в откровенность и говорит нечто, почти неотличимое от правды. Его лицо при этом очень серьезное и искреннее, бывает, даже голос подрагивает, словно от волнения. Хорошо отточенный прием. Полагаю, на многих действует.

Инжи Прайс – низкородный асассин на службе графа. Да, горжусь собой: я расширила круг знакомств, теперь в него входит настоящий наемный убийца. Инжи болтает без умолку: либо врет о своей прошлой жизни, либо дает мне советы.

Наконец, Иона. Она не лжет никогда. Станным образом это лишает ее остатков человечности. Ложь, мол, замазывает ее светлый облик и оскверняет дивные уста. Ну, еще бы!.. Иона говорит со мною лишь на одну тему: о военных успехах своего прекрасного, чудесного, благородного братца. Меня мутит от нее. Едва хватает самообладания, чтобы слушать. Сидя за завтраком напротив Ионы, я фантазирую о голубе из Фаунтерры – с вестью о поражении Эрвина. Хочу увидеть лицо Ионы, когда прочтет... Впрочем, о ней – позже.

Четвертою, кто говорил со мной, была Линдси – моя горничная. Она пропала без следа неделю назад. О ней и речь.

По правде, мне повезло. Один раз удача улыбнулась и позволила кое-что узнать.

Граф Виттор отбыл куда-то по делам вместе с братом. Любое свое перемещение в пространстве он любит обставлять с шумом и блеском, чтобы горожане видели: уезжает сам граф-землеправитель, а не какой-нибудь невесть кто. Рыцари замка и Эф с отрядом, и Иона со своими волками – все подались провожать Виттора. Сложилась процессия сродни параду. Вылилась из ворот и уползла вниз по улице – потрясать город своим сиянием. А в замке тем временем остались лишь слуги да воины гарнизона. И я, конечно.

Мои передвижения ограничены крепостной стеной – путь за нее заказан. Однако в пределах замка я могу ходить куда угодно. Желание воспользоваться этой сомнительной свободой возникает редко: когда покидаю свою комнату, около меня непременно вьется Инжи или Эф, или кто-то из их братии, и я слишком отчетливо чувствую ошейник на горле. Но в тот день Инжи с Эфом убралась вместе с графской свитой, а я получила глоток воздуха и отправилась бродить.

Уэймар, милая, больше всего напоминает руины. Он цел и боеспособен, но выглядит печальной древней развалиной с полотном о Багряной Смуте. Замок сложен из округлого серого камня, будто источенного временем. Все стены, кроме внешней, поросли плющом, а в воздухе вечно висит туман. Все это вместе создает чувство унылой древности. Никогда бы не подумала, что буду скучать по яркому солнцу!

И вот, я бродила дворами и галереями опустевшего замка. Пыталась себя убедить, что высматриваю пути к бегству, полезные особенности архитектуры, тайные лазейки... Но по правде, не замечала ничего, отчаянно жалела себя и если о чем и думала, так о выпивке. Инжи говорит: «Поживешь в Уэймаре – сопьешься». Тут он не врет.

Я забрела вглубь, в сетку узких проходов между арсеналом, казармой и складами, и вдруг увидела ступени. Прежде не замечала этой лестницы: дверь, такая же серая, как стена казармы, маскировала ее. Теперь же дверь не была заперта, лишь притворена, оставив щель. Ступени вели на крышу казармы, и я поднялась туда. На крыше располагалась стрелковая площадка, весьма хорошо защищенная. Зубцы ограждали ее от обстрела со двора, а навес – от стрел сверху, со стены, если враг прорвется туда. В укромном закутке под навесом, привалившись спинами к зубцам, сидели четверо солдат. Занимались они именно тем, о чем мечтала и я: наполняли кружки жидкостью из бутылки, оплетенной лозой. Ты вольна назвать меня кем хочешь, но... я взяла и подошла к этим солдатам. Один поднял глаза, я его узнала: лейтенант Брок, он командовал ротой после того, как Крейг Нортвуд отправил капитана в лазарет. Лейтенант посмотрел на меня как-то этак... пока пыталась понять, как именно, он неуклюже поднялся и промямлил:

– Ваше высочество...

Тогда сообразила: Брок смущен и растерян, будто пойман на горячем. Может, в том дело, что этим четверым сейчас полагалось нести вахту, а может, в том, что лейтенанту не к лицу пить с солдатами. Ситуация была до крайности неловкой, так что я вежливо поклонилась и сказала:

– Здравия вам, лейтенант. И приятного аппетита.

– Вашему высочеству не стоит быть здесь...

– Отчего же? Место кажется мне укромным, а компания – теплой.

– Но лучше вам вернуться в свои покои, – сказал Брок, обретая твердость голоса. Я ответила:

– Конечно, я могу вернуться в покои... Но в моей памяти останется зрелище четверых вахтенных стражей с бутылкой вина.

– Ваше высочество, мы не на вахте, – ответил лейтенант голосом, а румянцем на щеках просигналил обратное.

– Значит, сир кастелян ни капли не расстроится, узнав о вашем поведении. И хорошо, ведь я так не люблю расстраивать людей.

Повисла неловкая пауза. Подчиненные Брока лишь теперь вспомнили о приличиях и один за другим поднялись на ноги. Я сказала:

– Впрочем, я могу выбросить все из памяти, если вы исполните две крохотные просьбы.

– Какие?

– Вторую еще не придумала... А первая – налейте мне вина.

Один солдат – темный и бровастый – сказал:

– Это не вино, ваше высочество, а косуха.

– Что, простите?..

– Ну, косуха... Настойка такая... Хлебнешь – с ног скосит.

– Звучит заманчиво. Я согласна.

Чернобровый взял кружку, поглядел на нее, на меня, нахмурился – видимо, кружка была недостаточно чиста для моего высочества. Воин вдохнул поглубже и громко подул внутрь кружки. На том с гигиеной было покончено, и он налил мне мутной желтоватой жидкости. От одного ее смрада на глаза навернулись слезы, но отступить было поздно. «Я – внучка Янмэй!» – сказала себе и выпила.

Есть такой способ казни фальшивомонетчиков: в рот заливают расплавленный свинец. Скажу по опыту: весьма жестокая выдумка. Наши законы очень далеки от милосердия... Когда

пришла в себя, я сидела на земле и дышала, высунув язык, как пес после охоты. Лейтенант обмахивал меня чем-то и бормотал:

– Ваше высочество, выпейте водички...

А чернобровый сказал, протягивая кружку:

– Первая всегда плохо идет. Дерните вторую, ваше высочество. Полегчает.

Критическое восприятие – очень полезная штука. Не стоит слепо принимать на веру чужие слова... Во второй раз я очнулась под крики лейтенанта Брока:

– Ты чертов идиот, Хей! Я тебе руки переломаяю за такие шутки!

– Да не волнуйся, лейтенант, – отвечал чернобровый. – Здоровы ее высочество.

– Угу, – выдавила я, – здорова.

Если не считать опухшего языка, мокрой от слез физиономии и сплошного ожога вместо плотки...

– Понравилось? – спросил Хей.

– Еще бы!

Внезапно я поняла, что на душе действительно стало легче. Тоска и одиночество выветрились, сделалось жарко и светло. Даже мысли стали ясными, прозрачными. Дышалось с трудом, но думалось отлично.

– Я вспомнила вторую просьбу. Расскажите мне о Линдси.

– О ком?.. – удивились солдаты.

– Моя прошлая служанка. Хорошая девушка, очень мне нравилась. А неделю назад исчезла без следа...

Лейтенант только пожал плечами:

– Не знаю такую... И рад бы помочь, да не ведаю.

Кажется, он не лгал. А вот Хей – по его лицу пробежала тень.

– А вы знаете Линдси?

– Ваше высочество правы – хороша девица. Бойкая, веселая... Я, было, за ней... Но потом...

– Что потом?

– Да... эээ... не сложилось. Нравом не сошлись.

Солдаты хохотнули:

– Так и скажи: отшила тебя девка! Развернула носом к лесу!

Но я заметила: нечто здесь другое. Не обида отвергнутого ухажера, а чувство посерьезнее... страх, что ли?

– Расскажите мне, Хей. Мне очень нужно, я действительно волнуюсь за Линдси. Клянусь: никто не узнает того, что вы скажете.

– Да нечего рассказывать, ваше высочество... Отшила, и все тут.

Он врал. О боги, есть ли кто-нибудь в Уэймаре, кто не лжет?..

– Господа, – сказала я, – ходят слухи, граф Виттор уехал на три недели. Надо полагать, в его отсутствие замком управляет ее милость леди Иона София.

– Верно.

– И вот я думаю: что скажет леди Иона – дочка Ориджинов, внучка кайров – о четверых часовых, что распивают косуху на вахте, да еще в компании девушки, которую им надлежит охранять?

– Ваше высочество, мы... эээ...

– Не трудитесь, это был риторический вопрос. Благодарю за угощение, господа.

Я не без труда поднялась. Лейтенант Брок мрачно рыкнул на Хея:

– Расскажи, что знаешь.

Тот потер затылок.

– По правде, ваше высочество... Когда я узнал, с кем Линдси крутит, то откатил назад. С таким человеком соперничать себе дороже...

– Речь ведь не о Дейве-плотнике, верно?

– Какой тут Дейв... Птица поважнее.

– А как вы узнали? Они держали в тайне свой роман.

Хей глянул на Брока, тот твердо кивнул – говори, мол. Лейтенанта можно понять: за пьянство в карауле пострадает он, а за лишнюю болтливость – только сам Хей.

– Иногда меня ставят стражем при входе в темницу. Вот пару раз видел такое. Приходит он под вечер, входит в подземелье, а нам говорит: «Попозже явится девица – ее тоже пропустите». Минут десять погода является Линдси – и тоже в темницу, следом за ним.

В голове у меня уложилось не сразу.

– То есть, Линдси встречалась с тем мужчиной... в подземелье?

– Да, ваше высочество. Выходит, что так.

– Кем был этот мужчина?

– Ваше высочество, не надо, – попросил Хей. – Он ведь меня в лицо знает...

– Кто-то из кайров? – предположила я, внимательно глядя ему в глаза.

– Не допытывайтесь, ваше высочество.

– Сир кастелян? Лорд Мартин Шейланд? Эф?..

Хей промолчал, глядя в землю.

– Ваше высочество, – вмешался лейтенант, – Хей сказал, что мог. Слишком длинные языки, бывает, укорачивают. Сами понимаете.

– Может, еще косухи?.. – с надеждой предложил чернобровый.

– Угу, – сказала я.

* * *

Дорогая, прости мне многословие. Бессонница оставила свободными ночные часы, а голову заполнила роением мыслей. Если бы ты знала, какой хаос творится внутри меня... Необходимо излить все это на бумагу, лишь так удастся навести порядок и выстроить цепочку. Приятно воображать, будто ты меня слышишь и можешь ответить, словно ты рядом, я слышу твой веселый голос, вижу блеск в глазах. В Линдси было что-то, отдаленно напомнившее тебя: эта яркая, звонкая, свободная жизнь, что бьет через край. Я не могу помочь тебе, к огромной, неопишуемой моей жалости... но, быть может, удастся сделать что-нибудь для Линдси.

По порядку. Боги, только по порядку, иначе я не расплету этот клубок.

Три человека в Уэймаре говорят со мною – я упоминала о них выше. Три человека питают ко мне интерес. После графини Сибил Нортвуд люди, интересующиеся мною, вызывают сильную тревогу. Я не могу не сделать их предметом пристального, тщательного рассмотрения.

Северная Принцесса завтракает и обедает за моим столом. Или я – за ее. Или мы обе – за столом графа. Занятные оттенки смысла... Обыкновенно трапезу делят с нами немало людей: граф Виттор и его пучеглазый брат, кастелян Гарольд, лорд Элиас Нортвуд, старшие рыцари графа, кайры. Однако тем утром, о котором пишу, за столом нас было только четверо: я, леди Иона, ее компаньонка Джейн, а также кайр Сеймур Стил. Они трое расположились по одну сторону, меня же усадили по другую, и я почувствовала себя кем-то вроде менестреля, призванного развлекать благородных во время трапезы. Всегда сочувствовала этим актерам: бедняги, наверное, захлебываются слюною...

Итак, они пожирали меня глазами, а я пила кофе. Аппетит исчезает, когда тебя рассматривают с таким любопытством. Да и вчерашняя косуха еще сказывалась, меня мутило при мысли о еде.

– Кофе вместо завтрака – это так изящно!.. – сказала Иона. – Грубая пища с утра отягощает тело, приносит вялость и сонливость. Пожалуй, я перейму вашу привычку, леди Минерва.

Я ответила какой-то любезностью, а сама все силилась понять: с чего они так пристально глядят на меня? Дело не во внешности: я полчаса провела у зеркала, пока не убедилась, что стерла малейшие признаки вчерашнего пьянства. Быть может, им доложили, в каком состоянии я приползла вечером в свою комнату?.. Тогда я читала бы насмешки в их глазах, а не любопытство.

Наконец, Иона произнесла:

– Леди Минерва, мне нравится традиция обмениваться новостями за завтраком. Приятно начать день с разговора об интересных событиях, выслушать мнение умного собеседника. Вы не находите?

Я находила, что Северная Принцесса вся лучилась радостью и даже кайр Сеймур позволил себе довольную улыбку.

– Имеются новости с войны, миледи? – предположила я.

– Еще какие! Мой брат Эрвин взял Лабелин!

– Ожидаемо, – сказала я, поскольку действительно ожидала этого и не видела смысла врать.

– Неожиданно то, миледи, как именно он это сделал, – Иона не могла скрыть гордости. Да и не особо старалась. – Еще до битвы Эрвин предпринял маневр, который поставил войско путевцев в заведомо проигрышное положение. Пехота Лабелина оказалась под угрозой полного уничтожения. Тогда Эрвин выехал перед армией с шестью бойцами и предложил путевским рыцарям битву чести. Как в славные древние времена! Лучшие рыцари двух армий встречаются в поединке и решают исход всего сражения! Путевцы не согласились бы на это, но не имели другого выхода: Эрвин загнал их в тупик. Начнись полноценный бой – и тысячи путевцев умрут в первую же минуту. Так что рыцари-поединщики сшиблись на виду обеих армий, и Эрвин победил! Лабелин выставил против каждого нашего рыцаря троих своих, но Эрвин одолел их всех! Тогда пехота Южного Пути сложила оружие, а кавалерия отступила. В поединках погиб лишь один северянин и четверо путевцев. Вы можете представить себе, леди Минерва: мой брат одержал великую победу ценою всего пяти жизней! Уже несколько столетий не случилось подобного!

Теперь-то я понимала, чему обязана любопытным взглядам: они хотели видеть, как восприму новость. Их позабавило бы зрелище моих попыток совладать с эмоциями. Я – ждали они – с кислой миной пролепечу нечто светское и скорее убегу к себе зализывать раны. Так что я широко улыбнулась, встала и подняла чашечку кофе вместо кубка:

– От всей души поздравляю вас, леди Иона. Ваша новость принесла мне море радости!

– Благодарю, – озадаченно ответила Иона. – К слову сказать, брат кайра Сеймура – Брант Стил – входил в шестерку поединщиков. Он был среди тех героев, что принесли нам победу.

Я отвесила поклон кайру Сеймуру и подарила лучезарную улыбку. Это было несложно: вспомнила нашу с тобой конную прогулку, и губы растянулись сами собой.

– Поздравляю и вас, славный воин. Надеюсь, герцог Эрвин отметит доблесть вашего брата.

– Еще бы! – Сеймур просиял. – Братец уже получил чин капитана. Благодарю вас, миледи!

Я продолжала вспоминать тебя и бал, и Адриана с Вечным Эфесом, и огни на вечернем Ханае. Уселась на место, с видом полного блаженства допила свой кофе.

Сеймур сиял, не подозревая подвоха. Джейн выглядела разочарованной. На личике Ионы сплетались штук шесть эмоций, самой заметной из которых был интерес – пронзительный, горячий настолько, насколько что-то может быть горячим в этой снежной кукле.

– Простите, леди Минерва, мою бестактность. Я ожидала, что новость опечалит вас... отчего же вышло иначе?

– Вы рассчитывали меня опечалить, потому с улыбкой сообщили новость. Как мило!..

Иона пожала плечами:

– Я чувствую счастье, потому выражаю счастье. Я с вами честна, потому рассказываю все. Ответная искренность очень порадовала бы меня.

– Почту за честь доставить вам удовольствие, миледи. Я рада, что битва вышла бескровной. Особенно рада за выживших путевцев, ведь пехота Лабелина – это простые крестьяне. Представляю, как им было бы страшно умирать от кайровских мечей. Признаю за вашим бра- том долю храбрости и милосердия, что тоже не может не радовать.

Иона приподняла тонкие брови и протянула:

– Однако?.. О чем вы умалчиваете?

Вот в ту минуту я поняла, что за интерес она питает ко мне. Это было неожиданно, даже ошарашило. Вместо ответа я спросила:

– Скажите честно, леди Иона: вы действительно считаете меня умной?

– Конечно. Не питаю ни малейших сомнений.

– И вам непонятно, отчего же умная, рассудительная девушка сочувствует такому тирану, как владыка Адриан? По вашей с братом логике, Адриан заслуживает смерти, как последний мерзавец. Всякому разумному человеку это должно быть ясно. Однако я умна, и я считаю иначе. Я, вроде как, живое опровержение вашей логики. Это вызывает ваш интерес?

Иона усмехнулась:

– Есть очевидное объяснение: вы влюблены в Адриана, потому и сочувствуете. Предмет моего любопытства в другом. Согласно вашим мечтам, император подавляет мятеж и берет вас в жены. Ведь вы – Минерва Стагфорт, это ваше имя он назвал на летних играх. Но прежде, как вы помните, первой невестой императора была леди Аланис Альмера. И вот вопрос, что не дает покоя: вас не смущает роль невесты человека, который сжег заживо свою прошлую невесту? Совершенно не смущает, ни капельки?..

А вот в эту минуту мне тоже стало интересно: как рассуждает Иона? Какою логикой пользуется? Каким путем идет к своей цели?.. До сих пор мне представлялось, что дом сумасшедший дом – наилучшее место для блаженной Ионы. Но сейчас сверкнула в ней пресловутая агатовская пронизательность. Это, по правде, было куда хуже.

– Отчего вы стараетесь меня понять? – спросила я.

– Вы умны, – ответила Иона, – и совершенно непохожи на меня. Интересно было бы понять вас. К тому же...

Она осеклась, но я угадала продолжение. К тому же, я мыслю так, как Адриан. Понять меня – значит, понять его.

– Не питайте надежд, леди Иона: мне очень далеко до владыки. На его месте, я бы послала армию в помощь Лабелину, ведь это так логично.

– А как поступит Адриан?.. – спросил кайр Сеймур. Я улыбнулась в ответ.

– Император нанесет удар в день, когда герцог Эрвин не будет этого ждать. Не раньше, но и не позже.

Улыбки слетели с их лиц.

Я говорила тебе, что мысли у меня скачут? Иона, Джейн и Сеймур молчали. Несколько секунд я радовалась их замешательству. Потом грызла себя: до чего же ты тщеславна, Минерва! Просто неисправима! Тебя на три года в подземный монастырь, а не на три месяца – и то было бы мало! Потом думала: подземелье... свидания в подземелье... что за странный выбор места? Как только пришла такая идея Линдси и ее кавалеру?!

А потом голос Ионы ворвался в дебри моих мыслей:

– Пожалуй, ваша преданность Адриану будет кстати. Мы с Джейн хотели предложить вам одно забавное развлечение.

Она хихикнула и добавила:

– Девичье, с позволения сказать.

– Девичье?.. – удивилась я. – Примерка платьев и критика результатов оной?.. Чтение вслух любовного романа?..

– Я умею гадать! – воскликнула Джейн.

– Гадать?!

– Завтра ночь близкой Луны. Луна окажется ровно на полпути между Звездой и Землей.

Это лучшее время для гадания!

Я уточнила:

– Гадать – в смысле, предсказывать будущее на основании мелких и случайных явлений, никак на будущее не влияющих?..

Джейн свела брови. Кажется, она не поняла вопроса. Иона кивнула:

– Именно так. Присоединяйтесь, будет увлекательно! Разве не хотите узнать, чем окончится война?

Хм. Прежде мне думалось, что на гадания собираются закадычные подруженьки. Сплетничают о знакомых парнях, жгут свечи, раскладывают карты, пророчат друг другу скорое замужество со старыми уродами, а после кидаются подушками. В чем из этого я бы поучаствовала с Северной Принцессой?.. Пожалуй, идея с подушками неплоха...

– С удовольствием присоединюсь, миледи.

– Вот и прекрасно! Завтра за полчаса до полуночи в игровой комнате.

Пока длился миг чего-то вроде перемирия между нами, я сказала:

– Позвольте одну просьбу, леди Иона. Могу ли я побывать в темнице замка Уэймар?

– Не вижу препятствий, но зачем?

– Ах, леди Иона, при любом исходе войны велика вероятность того, что я кончу свои дни в темнице. Хочу иметь представление о своём будущем. Знаете, для меня это вроде гадания...

Иона просияла.

– О, конечно! Мне близка ваша мысль! В юности я обращалась к отцу с такую же просьбой!

Выше я писала, что заметила в Ионе проблеск здравого рассудка. Видимо, то был мираж.

* * *

Ты бывала в подземельях? Полагаю, да. У тебя есть родовой замок, а во всяком достойном замке имеется темница. Но в Стагфорте ее нет. Если отцу доводилось наказывать кого-нибудь, он всегда присуждал розги. Привселюдно объявлял, кто и за что наказан, и велел тут же исполнить приговор, чтобы скорее покончить с неприятным. Отец очень не любил наказывать. Полагаю, будь у нас темница, он все равно никого не сажал бы туда.

Так что мое знакомство с подземельями состоялось в монастыре Ульяны. Первую неделю было так скверно, что я не сомневалась в скорой смерти. А во вторую неделю поняла: все гораздо хуже – я не умерла и теперь обречена жить в гробу. Меж тем сейчас, вспоминая монастырь, чувствую двойственность. Была тяжесть обреченности, мучительная несвобода, темень, голод и холод... однако была и благость молитв, и успокаивающий методичный труд, и отточенная меткость редких слов... и даже красота, как ни странно. Темница Уэймара лишена всего светлого. Это – могила. Холодная тьма.

Иона дала в провозатые моего знакомца – похоронного мастера Сайруса. Выяснилось, он же числится смотрителем подземелья. «Ведь подземелье, барышня, суть пристанище смерти. А кто заведует всеми проявлениями смерти в Уэймаре? Я и заведу, хе-хе. Кто же еще!»

Мы постучались в малоприметную дверцу у основания центральной башни, нам отпер часовой и без лишней болтовни пропустил вниз. Я представила, как Линдси спускалась этими крутыми, скользкими от сырости ступенями, задевала плечами холодные камни стен, лампадка чадила в ее руке... Нужно очень любить человека, чтобы ради него пойти в такое местечко. Или очень бояться.

Подземелье состоит из двух кругов. Верхний круг – каменный лабиринт, проложенный прямо в фундаменте замка. Коридоры узки и темны, камеры крохотны, а камни жутко массивны. Кажется, они сдавливают тебя, расплющивают. Хочется сжаться, уменьшиться, стать мышью – иначе не проскользнешь в щель меж камней, и они раскрошат твои кости. Единственное сравнительно большое помещение – караулка у входа. Она имеет шагов пять в ширину, это много по здешним меркам. Двое часовых рублились в кости при свете масляной лампы. Говорили они громко, эхо разносилось по всем закоулкам. Я могла их понять. Я бы даже поняла, закричи они во весь голос.

Мастер Сайрус, как ни в чем не бывало, принялся за рассказ.

– Верхний круг, барышня, предназначен для первородных пленников. Если его милости графу достался кто-нибудь важный, за кого сообразно будет испросить оплату, такого пленника, значит, помещают прямо сюда. И верхний круг темницы, извольте видеть, наилучшим образом подходит для данной цели. Камни здесь крепкие – не проломаешь и не пророешь. Холод и сырость вполне умеренные, что уменьшает опасность легочной хвори среди узников. Ведь согласитесь, барышня, было бы весьма конфузно получить выкуп за пленника, отпереть его камеру со словами: «Пожалуйста на свободу, будьте добры!», – глянуть внутрь и увидеть мертвеца. И деньги тогда придется вернуть, и на похорон потратиться вне плана. А погребение первородного стоит недешево, как я вам в прошлую встречу рассказывал.

Стараюсь передать дословно его дурное, неуместное красноречие. Меня коробило от него. В темнице должна стоять тишь. Люди страдали и умирали здесь. Болтовня – кощунство. Мастер Сайрус, однако, продолжал тараторить, отпирая передо мною одну камеру за другой.

– Видите, барышня, комнатки здесь уютные, аккуратненькие. Пленник, будучи помещен сюда, не останется в обиде. Вот, извольте войти и испытать на себе. Не стесняйтесь, заходите.

Уютная камера была не больше моей кельи. Макушкой я задевала потолок. Лежанка представляла собой выступ каменной стены, отхожее место – канавку в земляном полу. Источников света не было. Я не увидела даже восковых капель.

– Им позволено выходить?.. – спросила я.

– Зачем? – удивился смотритель. – Узник потому и зовется узником, что заперт на замок и не шастает своевольно. Ведь если бы он ходил где хотел, то стерлась бы всякая граница между пленником и свободным человеком. Скверно получилось бы. Непорядочек, хе-хе.

В такой камере можно делать лишь два дела. Первое: сидеть. Второе: лежать. Месяцами. Годами. Янмэй Милосердная!..

– Должен сообщить, барышня, что в настоящее время на верхнем круге подземелья никто не обитает. Его милость граф давно не имел военных стычек, вот и пленники не образовывались.

Я услышала минорный оттенок в его голосе. Спросила, не сдержав злости:

– Вас это сильно печалит, мастер?

– Ну, барышня... Коли сооружено помещение, кто-то же должен его занимать. Иначе труд мастерового люда выходит истраченным напрасно. Да и не по порядку.

Порою я жалею, что не имею власти. Будь замок моим, я нашла бы применение уютной камере. Закрыла бы мастера Сайруса на месяцок. Согласно порядку, хе-хе. Чтобы труд строителей не пропадал.

– А здесь, обратите внимание, тоже занятное помещеньеце.

Он скрипнул дверью. Я ждала увидеть пыточную с дыбой, цепями и жаровней. Но обнаружила странно просторную комнату, посреди которой стоял стол, по периметру – лавки, накрытые овчиной, в углу – очаг. На потолке висела люстра с огарками свечей, на столе имелся канделябр. Удивительная роскошь. И, что самое невероятное, в комнате было довольно тепло.

– Это у нас, барышня, вторая караулка. Если подземелье густо населено пленниками, то необходимо двойное количество часовых, таков порядочек. Вторая группа стражников размещается здесь. Тут раздолье: и свет имеется, и обогрев. А еще предусмотрена одна строительная выдумка. Вы встаньте на скамью и потрогайте потолок. Встаньте, барышня, встаньте!

Я так и поступила. Потолок оказался теплым.

– Прямо над нами находится большой камин графской трапезной. Когда там разводят огонь, плиты пола постепенно прогреваются, а тамошний пол здесь выступает потолком. Вот так оно и происходит.

Тут я сообразила: а ведь именно эта комната мне и нужна! Единственное помещение в темнице, где не стоит запах смерти. Здесь Линдси миловалась со своим кавалером. Больше просто негде!

Светя лампадкой, я обошла комнату, тщательно осмотрела. В очаге зола – сложно понять, свежая ли. Но слишком старой она быть не может: согласно порядочку, очаг иногда должны чистить. Канделябр сдвинут к краю стола – освободить столешницу для... хм... какого-нибудь занятия. Ближняя к очагу скамья задвинута под стол, у стены возле огня имеется пространство. А овчина на лавках лежит криво – похоже, ее сбрасывали на пол, а потом кое-как спешно швырнули обратно на сиденья. Я потрогала шерсть, зарылась пальцами... Теплая, уютная, мягкая. Приятно лежать на ней голым телом... Уверена: будь со мною пес-ищейка, он учуял бы запах Линдси.

– Вижу, барышня, вам приглянулось местечко. И не мудрено, хе-хе! Хорошо здесь. Не даром именно тут дежурят вторые часовые... Также здесь принимают пищу палачи с нижнего круга, когда имеют необходимость отдохнуть от трудов. Присядьте, коли хотите.

Я закрыла глаза и попыталась представить себя на месте Линдси. Быть с мужчиной... Быть с мужчиной вдвоем... Заниматься любовью... Я ничего не знаю об этом. Но кое-что знаю о жизни в подземельях. Мою первую напарницу звали Нора. Она была глупее козы и плаксива, как младенец, но я чувствовала ее почти своей роднею. В темени и холоде хочется стать ближе друг другу, ощутить человеческое тепло... Вероятно, это мрачное место усиливало страсть Линдси и ее мужчины. Они зажигали огонь, обнимались, целовались, делали все остальное. Иногда на столе, иногда на полу у очага, на овечьих шкурах. Лежали, утомленные страстью, заключив друг друга в объятия, и шептали слова любви... Так в романах пишут. Не знаю, что полагается шептать на самом деле. И неважно. Несущественно, чем они занимались. Главный вопрос – кто был с нею? Есть ли здесь какой-то намек на личность кавалера?

Будь со мной пес-ищейка, он взял бы след ухажера и привел меня прямо к нему. А что могу я? Только краснеть и представлять обнаженных людей, стонущих от удовольствия? Почему я думаю о служанке?.. Почему я думаю о голой служанке с голым мужчиной?! И почему я задыхаюсь, да еще морщусь, как от отвращения?! Черт возьми, Минерва, ты – ханжа. Ханжа-девственница. Прелестно. Сосредоточься и подумай! Выброси из головы любовников!

– Барышня, вы это, в порядочке? Вы будто увидели что-то неприличное.

– Я увидела вот что, – сказала я, подхватив с пола клочок бумаги. Махнула им перед носом Сайруса. – Не следите за чистотой в темнице. Мусор на полу.

– Виноват, барышня... – нахмурился мастер. – Надеру уши мальчишкам за такое упущение.

Как можно небрежнее я бросила взгляд на свою находку. То был листок белой, новой бумаги. На нем нарисован циферблат часов. Стрелки указывали восемь. Никаких надписей.

– Давайте-ка мы с вами пройдем на нижний круг, – предложил Сайрус. – Здесь мы все увидели, а там еще остались любопытные местечки.

Я согласилась. Мы покинули караулку и двинулись вниз по новым ступеням. Листок с часами я несла в руке, но очень скоро забыла о нем.

Нижний круг темницы был сплетением земляных нор. Каменные стены здесь встречались редко. В основном – спрессованная глина, кое-где укрепленная бревнами. Камни отражали свет лампадок, но темная глина глотала его, и за шаг от нас уже царила темень. Проходы стали еще уже, хотя это казалось невозможным. Земля под ногами была настолько влажной, что я чувствовала сырость сквозь подошвы.

Я не из тех, кто боится холода. Мне доводилось и бегать по снегу босиком, и купаться в проруби. Однако сейчас охватывал озноб, я вся дрожала, и вовсе не сырость была тому причиной.

– В нижнем круге, – говорил Сайрус, – содержатся безличности. Это, барышня, самые отъявленные преступники и грешники, коих его милость граф даже не ссылает на каторгу, а держит при себе, ибо желает точно увериться в дате их кончины. Отчего, спросите, их не казнят? А потому, барышня, что умереть сразу было бы для них слишком просто и весело. Этакое злодеи не заслуживают милости.

– Хотите сказать... – голос сел, – здесь, внизу, есть люди?

Он не успел ответить. Из темноты сбоку раздался сдавленный, пульсирующий рык. Я отпрыгнула, влипла спиной в глину. Выбросила вперед руку с лампадкой, чтобы закрыться от чудища. Передо мною была стена, а в ней – черное квадратное отверстие в ладонь шириной. Свет проник в него. Там, за стеной, во мраке что-то шевелилось.

Звук повторился, и я поняла: не рык, а кашель. Кто-то кашлял с надрывным хрипом, раздирая легкие.

– Кхыррр... кхыррр-кхыррр...

В темноте дыры вновь увиделось движение. Бурый лохматый ком приблизился к отверстию. Я смотрела, замороженная. Ком замер, заслонив собой дыру. Перед ним возникла желто-серая лапа с когтями, коснулась шерсти.

Я отдернула свет прежде, чем узник убрал волосы с лица. Я не могла этого увидеть. Назови меня трусихой, но не могла. И больше всего на свете боялась услышать то, что он скажет. Пусть даже одно слово – я никогда в жизни его не забуду. Не смогу забыть этого голоса.

Но узник только кашлял мне вслед:

– Кхыррр... кхыррр... кхыррр...

Моноotonно. Как скрип механизма.

– Ульяна Печальная, сестрица смерти, пошли избавление... – прошептала я.

А мастер Сайрус сообщил:

– На нижнем круге дверей нет. Вход в камеру закладывается наглухо, но оставляется оконце, каковое вы изволили видеть. Через него подается вода и пища, покуда узник не перестанет в них нуждаться. Тогда окошко просто замуровывается и замазывается. Вот как здесь.

Он показал пятно светлой глины на стене чуть поодаль. Ниже пятна стена была прозрачной, как стекло. С той стороны к ней прижимался скрюченный, иссохший труп. Сидел на земле, запрокинув череп. Челюсть отпала, белели зубы. Черная рука тянулась к пятну кладки на месте оконца.

Я взмокла от холодного пота прежде, чем поняла, что вижу свое воображение. Стена глуха – темные камни в глине. Тот, кто за нею, недоступен взгляду.

– Кхыррр... кхыррр... – донеслось сзади.

– Он... давно здесь?..

– Этот кашлюн?.. Пожалуй, что четыре года. А вон там, в левом отроге, есть один, что уже семь лет протянул. А за углом от него – старуха девятый год коротает. Так что кашлюн не старожил. И, если судить по голоску, недолго ему осталось.

– В чем он виноват?

– Я не судья, барышня, и не писарь. Не моя должность помнить обстоятельства дела. На каждую задачу свой человек имеется.

– Мастер Сайрус... отведите меня наверх. Не хочу больше здесь оставаться.

– Отчего же? Мы еще не все увидели, много любопытного осталось. Вон там, к примеру, имеется пыточное отделение, а если пойти в эту сторону...

– Довольно. Я уже удовлетворила...

«...свое любопытство» – хотела сказать я, но осеклась. Нет, тьма меня сожри, любопытство все же сильнее страха. По крайней мере, когда оно вспыхивает с полной силой.

– Что это? – я подняла лампадку и осветила странную картину. – Здесь, как будто, выломана стена одной из камер?

– В точности так, барышня.

– Значит, этого пленника освободили?

– Он сам, – сказал мастер Сайрус и сделал долгую паузу. – Давно это было. Еще при старом графе, отце его милости Виттора, поместили сюда сию безличность. И пробыл тут злодей ровным счетом десять лет. Потом, уже при графе Витторе, он вырвался на свободу.

– Как?!

– Тому есть лишь одно объяснение: заключил сделку с Темным Идо. Отдал Темному свою душу, а тот взамен послал нечеловеческую силу. Узник голыми руками выломал стену и вышел из камеры. В те времена на нижнем круге работали два тюремщика – носили пищу узникам. Идов слуга убил их обоих. Одному вырвал глотку, а второму пробил грудь ударом кулака и достал до сердца. Я сам видел тела, ибо тогда уже заведовал похоронным делом. Первый бедняга сидел вот здесь, где вы стоите, а второй лежал вон там, в тупичке.

– А часовых он тоже убил?

– Нет. Часовым повезло – Идов слуга не пошел мимо них. Темный открыл ему колдовскую дверь прямо тут, в подземелье. Через нее бывший узник перенесся вдаль, и больше мы его не видели. Где бы он ни был сейчас, он творит страшные дела. Коли вы в ладах с Ульяной Печальной, попросите ее забрать этого нелюдя.

В колдовские двери и слуг Темного Идо я верю не больше, чем в гадания. По мне, из рассказа мастера Сайруса вытекало следующее: узник нашел другой путь из темницы, не тот, которым вошли мы. Это крайне важно. Если второй выход есть, мне нужно о нем знать.

Я встала спиной к разрушенной стене, прищурилась. Сложно представить себя любовницей... А узником, вышедшим из камеры? О, это легче. Правда, мои три месяца в подземелье – не десять лет... Но все же, могу попробовать. Положим, вот я справилась со стеной. Темному Идо плевать на меня. Но десяти лет хватило, чтобы ногтями проскрести швы между камней... Стирала ногти до мяса, ждала, пока вырастут вновь... Времени было вдосталь. Наконец, я вырвалась в коридор. Попался охранник, и я тут же убила его. Мои пальцы стали жесткими, как когти коршуна... Взяла лампаду у мертвеца. Обожгла зрачки светом, огляделась. Попыталась понять: куда бежать, где выход? Увидела главный коридор – но он ведет к караулке с часовыми. Что еще?..

Дверь. Поразительно! Как я раньше ее не заметила! Настоящая железная дверь! Быть может, единственная на всем нижнем круге!

– Куда она ведет?

– Да никуда, – мастер Сайрус пожал плечами. – Она сейчас открыта, а когда закрывается, перегораживает главный проход. Вот и все ее назначение. Смотрите, барышня.

Он закрыл дверь, а потом открыл вновь. И правда, будучи запертой, дверь блокировала коридор, а в открытом положении прилегала к стене. Очень странно. Спустя десять шагов, коридор кончался тупичком – тем, где Сайрус нашел труп второго охранника. Стало быть, дверь отделяла от остального подземелья слепой отросток, тупик, в котором ничего не было, кроме разрушенной камеры. Зачем?

Я сама взялась за ручку и затворила дверь. Сайрус остался снаружи, а я – внутри, в тупичке. И увидела еще более странное: с моей стороны двери имелся засов! Вырвавшись из камеры в коридор, узник мог отгородиться дверью ото всей остальной темницы! Зачем так сделано?! Что за чушь?!

Не уважаю людей, которые сперва делают, а потом думают. Так что я не гордилась собой, когда взяла и задвинула засов, запершись в тупике.

– Решили почувствовать себя на месте безличности?.. – глухо спросил Сайрус сквозь железо. – Лучше не надо, барышня. С Темным Идо шутки плохи...

Я бросилась в конец коридора, к глухой стене. Здесь узник убил второго тюремщика. Зачем?.. В смысле, зачем он вообще пошел сюда? От камеры видно: здесь – тупик. За десять лет глаза привыкли ко мраку; лампадка – что Звезда! Однако узник пошел сюда, и тюремщик пошел. Что ни оба забыли в тупике? И зачем дверь отделяет пустой коридор?!

Стены коридора – каменная кладка, вымазанная глиной. На нижнем кругу мало камней, но здесь есть. Укрепляли стены против идовых слуг... Хм. Или против обвалов. Или...

Я пошла медленно, поползла вдоль стены, держа лампаду впритирку к камням. Огонек торчал вверх в неподвижном воздухе.

– Барышня, я не шучу... Лучше вам не задерживаться в таком месте!.. – бормотал через дверь похоронщик.

Я шла шаг за шагом... Признаться, это было сложно. Черт возьми, очень трудно двигаться медленно в жутком месте. Хочется или бежать во весь опор, или замереть, как покойник. Но я плелась вдоль стены и еле дышала, и не отводила глаз от огонька.

Он дрогнул.

Около щели меж камней, как я и ждала. И с другого края того же камня дрогнул снова.

Осталось найти механизм. Верхний край?.. Нижний?.. Боковой?.. Рычажок?.. Веревка?.. Педаль?.. Где он, тьма бы его?!

– Мастер Сайрус, не беспокойтесь, со мной все хорошо. Но я сейчас умолкну на десять минут – хочу ощутить тишину!

– Барышня, не нужно этого!..

Я ударила плечом в камень, навалилась всем телом. Кажется, он пошевелился. Я отшатнулась – и врезалась в стену, сколько было сил. Кусок кладки сдвинулся и пополз вглубь, открывая щель тайного хода.

Граф Виттор Шейланд – второй человек, питающий ко мне опасный интерес. Мой сюзерен. Если вдуматься, это скверно: сюзерену привычно считать жизнь вассала своим имуществом. Успешный банкир. Что тоже плохо: расчетливый, умелый делец, всему и всем знает цену. Осторожен, предусмотрителен. Вот он точно не сунулся бы в незнакомый подземный ход. Хотя кто-кто, а граф наверняка знает все тайные ходы Уэймарского замка. В особенности те из них, что ведут в его собственные покои!

Ступени были узкими и крутыми. Какими же еще, если лестница устроена в толще стены!.. Когда они кончились, путь преградила деревянная панель. Я попробовала нажать, дернуть, сдвинуть. Наконец, панель вышла из крепления и съехала вбок, открыв взгляду комнату.

То оказался кабинет. Громадный рабочий стол на медных ногах, карта расстелена на зеленом сукне, белеет фарфоровая чернильница, лохматятся перья. За столом – кресло, перед столом – еще одно, поскромнее. Камин. Секретер – муравейник из ящичков. Резной потолок,

стены в дубовых панелях, тяжелые золоченые гардины на окне с прекрасными большими стеклами. Темные цвета, громоздкая мебель – видимо, кабинет мужчины. Роскошь, богатство – кабинет вельможи. Сир кастелян, правда, тоже не бедный человек... На стене против стола два портрета. Один изображает старого графа, на втором – снежное личико леди Ионы. И это не оставляет сомнений: я в кабинете Виттора Шейланда.

Подбежала к столу, глянула на карту: северо-восток Империи, наступление мятежника отмечено стрелками. Подергала ящики. Верхний, самый большой, открыт. В нем книги с числами – кажется, учетные. Что еще?..

Я кричала себе: какого черта ты делаешь? Убирайся отсюда немедленно! Ты узнала главное: есть ход из темницы в покои графа! Возвращайся!

И продолжала рыться, дергать ящички стола и секретера. Большинство были закрыты, но некоторые поддавались. Письма, гербовые печати... почта Фаунтерры... Алеридан... Клык Медведя... снова Фаунтерра... незнакомый герб, еще один незнакомый...

Минерва, остановись! Что ты надеешься найти, кроме неприятностей?!

Новый ящик – сперва не поддался, но вдруг вылетел на всю длину, посыпались бумаги. Я поползла на четвереньках, собирая их. Векселя, чеки... «Швейная мастерская Тома Тейлора»... «Бакалея Зеленого Холма»... фрахтовка судна... покупка судна... морская шхуна «Канитель»... получены средства от купца Хармона...

Минерва, ты тщеславная ханжа-девственница, а еще – мерзкая плутовка! Уходи отсюда, или никогда больше не сможешь себя уважать. Вообще никогда!

Я принялась запихивать бумаги в ящик... вспомнила овчину, криво брошенную на скамьи... стала складывать аккуратно, вексель к векселю, попутно просматривая их.

Давай, Минерва, давай, найди среди чеков непогашенный! Унеси с собой! Стань еще и воровкой для полного комплекта!

Сунула ящик на место, схватила со стола пресс-папье. К нему лепился лист промокательной бумаги с пятнами чернил. Я сорвала его и лишь тогда вылетела из кабинета.

Когда отперла железную дверь, по ту ее сторону грудились мастер Сайрус и оба часовых. В свете лампадок сложно сказать наверняка, но мне показалось, что все трое дрожат от страха.

– Ваше высочество!.. Вы живы?.. – три огонька разом взлетели к моему лицу. – Здоровы?.. Целы?..

Ваше высочество?.. Значит, часовые уже просветили Сайруса на счет личности «барышни».

– Я же говорила: не беспокойтесь, я в порядке.

– В порядке она!.. – сердито буркнул смотритель. – Здесь бродил приспешник Темного Идо, а она, видите ли, в порядке!.. Вашему высочеству в моем подземелье нельзя ни пропадать, ни умирать. Никак нельзя, запрещаю!

– Отчего так? Не умеете хоронить наследниц трона? Недоработан ваш порядочек, досадное упущение!..

– Коли вы преставитесь в подотчетной мне темнице, граф с меня голову снимет. Такой порядочек! – Он утер со лба холодный пот и крепко взял меня под локоть. – Мы сейчас пойдем наверх, а там пряменько к ее милости. Пускай ее милость своими глазами увидит, что ваше высочество вышли из темницы живехоньки.

* * *

О моей экспедиции в подземелье следующим днем узнал весь замок. Надо полагать, часовые поделились с сослуживцами волнующей историей о том, как ее высочество чуть не сцапал

Темный Идо. И вдруг я обнаружила, что приобрела известность. Ловила на себе взгляды, слышала шепотки. Кажется, всякий имел что сказать обо мне.

Начнем с Инжи Прайса. Графский наемник, лукавый бандит со странным прозвищем Парочка. Надзор за мною поручен ему и Эфу. Солдатам гарнизона просто не велено выпускать меня за ворота, Инжи с Эфом имеют задачу поинтереснее: оповещать графа о том, что я делаю, о чем думаю, с кем говорю, кому пишу. В отличие от Эфа, который не переносит меня на дух и держит дистанцию, Парочка наслаждается работой. Он не делает из слезки никакой тайны, использует всякий повод, чтобы потереться около и поболтать со мною. Однажды сказал напрямик:

– Ты же сама понимаешь, кроха: граф велел мне за тобой присматривать. От этого никуда не денешься. Вот и давай общаться как хорошие друзья. Тебе будет приятно и мне тоже.

Он делает мне приятно тем, что постоянно фамильярничаёт, называет крохой, малюткой и деточкой. Это как раз и есть показатель доброй дружбы. Парочка обожает давать советы на все случаи жизни: чем лечить простуженное горло, как говорить с мужчинами, когда остановиться при игре в карты на деньги, сколько вина можно выпить за вечер, как приготовить кролика. Все это обязательно пригодится мне, я еще вспомню добрым словом старину Инжи. Любые мои поступки он неизменно снабжает своей оценкой: правильно поступила деточка или дала маху? Где же мне самой разобраться...

Утром после косухи Парочка сказал:

– Вот недаром я тебя люблю, как родную! Потому что умница же, хоть и дворянка. Сколько тебя узнаю, все больше понимаю: ты нигде не пропадешь. Обычная благородная девица что делает, когда тоска? Вздыхает вот это в платочек, прижимает ладошки к груди, блещит овечьими глазками и блеет: «Ах, сударь, пустое... Не стоит беспокойства...». Еще может слезливые стишки почитать – словом, ерунда сплошная. А что сделала ты? Вззяла и накатила чарку без лишних соплей! Так и надо. Если сама себя не порадуешь, то кто же еще!

Также он вручил мне чашку жидкости и потребовал:

– Выпей сейчас же. Полегчает.

Жидкость смердела подвалом и кислыми огурцами, но я была слишком плоха, чтобы оказать сопротивление. Выпила. На диво, действительно полегчало.

– Парочка ерунды не посоветует. Вот я до своих лет дожил – и ты доживешь здоровая да счастливая. Главное, слушай мои советы и запоминай.

Забавно слышать такое от наемного убийцы, который однажды уже царапал мне шею кинжалом...

А вот утром после подземелья я заметила его шепчущимся с Эфом и лордом Мартином – братом графа. Все трое поглядывали на меня, только Инжи делал это незаметно, Эф – отрывисто и зло, а Мартин – тяжело и пристально. Глаза Мартина – большие, навывкате – таковы, что всякий взгляд кажется тяжелым и пристальным. Неприятно, когда он смотрит. Аж мороз по коже.

Потом Инжи поймал меня и пожурил:

– Люди говорят, ты вчера навевывалась в нижний круг темницы. Так я тебе вот что скажу, кроха: лучше брось это дело. Держись подальше от подземелья. Жуткое место. Что там делать хорошей девочке?

– Меня не пугают жуткие места.

– Это я знаю, – кивнул Инжи. – Ты – девица храбрая, давно заметил. Вот и тем более: спустилась разок в идово лежбище, доказала свою смелость – и хватит. Зачем еще? И так уже все впечатлились, только о тебе и говорят.

– Да я больше туда и не собиралась...

– Вот и умница!

– Однако любопытно: отчего вы так меня отговариваете? Какая опасность в этом подземелье? Неужто верите в идовых слуг и колдовские двери?

– Деточка, поживешь с мое – поймешь: иной раз не грех и поверить ради перестраховки. От лишней веры тебя не убудет, а вот если не поверишь да не остережешься – выйдет беда.

Я поблагодарила за совет, но не удовлетворила Инжи. Он добавил:

– К тому же, Идо не Идо, а двое тюремщиков-то на Звезду отправились, и явно не самым приятным способом. Могу поспорить: не имели они в планах помереть так паскудно, да еще и в такой заднице. Об этом подумай, кроха.

– Подумаю, сударь, – пообещала я. – А что вам говорил лорд Мартин, если не секрет?

– Да об охоте. Он, видишь ли, знатный охотник. Собирается с парнями в леса на недельку: на кабанов да лис. Вот и рассказывал, что и как.

– На охоту?.. Мне думалось, он вчера уехал вместе с братом.

– Ну... они поехали было, но в дороге поговорили и решили, чтобы Мартин вернулся в замок. Знаешь, как оно у лордов: тут одно решили, а через день – другое...

Остался, значит. Не сказать, что очень рада его видеть. Но хорошо, что скоро уедет охотиться.

– Лорд Мартин что-то говорил обо мне.

– О тебе, кроха, он говорил то же, что и все: ты, мол, умница и красавица. Жалко будет, если с тобой беда случится. Потому передай, Инжи, своей крохе, пусть она больше в темницу не ходит. Нельзя, чтобы такая чудная девушка померла молодой.

Я подумала: быть может, Мартин знал о тайном ходе? А может, к тому же, знал и о связи Линдси с графом Виттором? Вот и послал Инжи запугать меня, чтобы не совала нос. Если так, то он сделал ошибку: лучше бы напугал сам. Вышло бы куда эффективнее.

За обедом Мартин Шейланд снова буравил меня взглядом. Я пыталась не смотреть в его сторону, но не могла. Мартин всегда одет кричаще, как южная птица: то в алое, то в лимонное, сегодня – в черный костюм с громадными серебряными звездами и белую шляпу с длиннущим пером. Попробуй не взгляни на такое! А взглянешь – наткнешься на выпученные темные неподвижные глаза. Он даже на еду не смотрел, только на меня.

Неожиданно на помощь пришла Иона. Отследила мою с Мартином переглядку и сказала строго, как непослушному ребенку:

– Мартин, прекратите смущать гостью.

Он стушевался.

– Иона, я это, я не...

– Леди Иона, – поправила Северная Принцесса. – Желаете есть за нашим столом – соблюдайте приличия.

Он уткнулся в тарелку и больше не докучал мне. Я понимала, что Иона поступила неэтично: делать замечание брату графа в его собственном доме!.. Однако было приятно. Я улыбнулась ей:

– Благодарю вас.

– Пустое, – она подмигнула мне. – Очень жду вас вечером!

Это было искренне. Странно...

До вечера случился еще один разговор. И снова – о темнице. Эф, мой второй надзиратель, поймал меня в коридоре и сказал:

– Нужно поговорить наедине.

Наверное, в пору поверить в силу близкой Луны. Сегодня все ведут себя чудно: Мартин пучит глаза сильнее обычного, Иона добрее, Эф жаждет общения. Я уже писала: Эф терпеть меня не может, и имеет на то целых две причины. Первая: он в принципе не любит никого, кроме себя и графа. Вторая: как-то я угостила его искровым ударом в ягодицу. С тех пор Эф

сводит контакты со мною к презрительным взглядам и неохотным кивкам. Однако теперь он отвел меня в пустой охотничий зал, запер дверь и холодно спросил:

– Что вы разнюхали?

– Простите?.. – я скривилась.

– Не притворяйтесь. Вы только и делаете, что разнюхиваете, выискиваете, суετε нос в каждую щель!

Сибил Нортвуд в подобном случае рассмеялась бы. Но я не умею притворно хохотать. Подумала: что, если уступить для начала и посмотреть, как много он понял?

– Сир Френсис, ваши подозрения пусты, я и не думаю о побеге.

– Конечно! Это у вас не выйдет! Вторично вы нас не обманете. Но я и не говорил, что вы ищете пути к бегству. Вас интересует что-то другое. Что?

– Ах, полноте...

– Что, я вас спрашиваю?! Отвечайте!

Он был зол, глаза сверкали. Казалось, готов схватить меня за горло. Я сдала еще одну позицию:

– Да ничего, сир Френсис!.. Просто ищущую свою служанку, Линдси. Это и не тайна – я обращалась к самому графу, но он не смог помочь...

– И что вы узнали о Линдси?.. – прошипел Эф.

– Она уехала к себе в деревню, так все говорят... Ничего более...

– Зачем вы ходили в темницу? О чем говорили с часовыми? Что они сказали вам?!

– О боги, Френсис, вы пугаете меня! Не будьте так сердиты!

– Я прикажу – и вас больше никогда не выпустят из комнаты! Никогда, вы это понимаете?! Отвечайте честно!

Я закричала:

– Да ничего я не знаю! Святая Праматерь! Что на вас нашло!..

– Поклянитесь, что не знаете!

– Клянусь родом Янмэй.

Какая-то черточка расслабилась в его лице. Кажется, он поверил... Самое время для удара.

– Клянусь родом Янмэй, что не знаю ни о чем, кроме второй караулки. Там Линдси встречалась со своим кавалером. Она была неграмотна, так что он назначал ей встречи с помощью рисунков: присылал записки с часами, Линдси умела читать время по стрелкам.

Френсис вздрогнул, брови полезли на лоб. Я продолжала:

– Слуги и солдаты боятся того человека, что встречался с нею. А он, в свою очередь, тоже боится кого-то – иначе вызывал бы Линдси не в темницу, а прямо к себе в спальню. И я думала: граф Виттор достаточно опасен, чтобы внушить страх часовым. Граф Виттор имеет причины таить связь с горничной: леди Иона и ее сорок северных волков – довольно причин. Я думала: Линдси расстроила графа тем, что помогла мне – его пленнице, и он избавился от нее. Все логично, только одна деталь смущала: зачем графу ходить в подземелье через главную дверь, на глазах у стражников, если есть второй, скрытый путь?..

Лицо Эфа пошло красно-белыми пятнами. Я не дала ему времени опомниться.

– И тут явились вы с вашим праведным гневом. Когда люди так сильно стараются напугать, обычно это значит, что они сами боятся. Я вспомнила: Линдси злилась на вас, Френсис. Довольно смеялась, когда говорила о вашей ране; копировала мою прическу, зная, что вы меня ненавидите. А позже Бернадет говорила: Линдси была в ссоре со своим кавалером. Одно с другим сочетается, правда? Затем. На деле, это вам Линдси задала мороки, когда помогла мне с книгой. Это вам, не графу, пришлось просидеть ночь, ломая голову над моей шифровкой. Прибавим еще одно: бедняга часовой не назвал ваше имя, но опустил глаза и промолчал, когда я его назвала. Бесхитростный парень. Умнее было бы соврать и спихнуть на какого-нибудь

кайра... И последнее. Почему вас так взволновал мой визит в темницу? Вы с Мартином Шейландом сегодня глаз с меня не сводите. Но для Мартина это обычное дело, а вот вы...

– Это гнусные выдумки! – выдавил Эф. – Не смейте подозревать такое!..

– Неужели?

– Я ничего не знаю о Линдси!

– Сир Френсис, вы повторяете мой маневр, и это глупо. Я же не попадусь в ту яму, в которую только что грохнулись вы. Где Линдси? Если она жива, хочу ее увидеть. Если вы убили ее, желаю знать за что и как. Не успокоюсь, пока не выясню.

Он замотал головой:

– Нет! Это полная чушь! Дурная выдумка!..

– Понимаете, Эф, в чем штука. Мне ведь не нужно убеждать вас – вы и сами знаете, что я права. Мне достаточно убедить леди Иону. К вашему несчастью, Северная Принцесса не любит убийства. Звучит странно, но это факт. Иону расстраивает даже гибель солдат на поле боя, даже гибель чужих солдат! Как на счет убийства юной невинной девушки? Поинтересуемся мнением миледи?

Эф шумно втянул воздух, шмыгнул носом – точь-в-точь как мальчишка. Он, в сущности, и был мальчишкой, а сейчас вся напускная важность слетела прочь.

– Я не убивал Линдси.

– Сознайтесь, и я, возможно, помилую вас. Продолжайте упираться, и кайры Ионы завтра же изрубят вас на части.

– Я действительно ее не убивал! Слово рыцаря! Тьма вас сожри, поверьте! Да, правда, это я водил ее в караулку. Тайком – не хотел сплетен... Рыцарь и служанка – сами понимаете. А когда приехал граф, я вовсе перестал с нею видеться – стыдно было перед милордом. Потому Линдси и обиделась, и постриглась, чтобы мне досадить. Но я не знаю, куда она исчезла! Не видел ее в последний день!

– Почему я должна поверить?

– Говорите, Линдси исчезла в темнице?

– Там я нашла записку с часами, которую Линдси получила в тот день. Часы показывают восемь. Значит, Линдси пришла в темницу к восьми вечера. И никто не видел ее после этого времени.

Он взмахнул руками:

– Вот видите! Сами подумайте: если бы я хотел ее убить, разве сделал бы это на обычном месте встречи?! Я же не полный идиот! И куда бы спрятал тело? Вынес мимо часовых? Или тем другим путем, о котором знаете вы и граф? Чтобы граф или стражники увидели, как несущий труп?! Хороша картинка!

Я подумала.

– Тело вы могли спрятать в самой темнице. Просто сунуть в одну из камер – есть много пустых. Но ваш первый аргумент звучит весомо. Полагаю, вы, действительно, не полный идиот. По крайней мере, разгадали мой шифр.

– Благодарю.

– Но зачем накинулись на меня с вопросом? Если не вы преступник, то откуда столько волнения?

– Черт возьми, так ведь Линдси пропала! Я ничего не знаю о ее судьбе, полная темень! Надеялся, может, хоть вы раскопали. Милорд говорил, вы умеете расплетать интриги. Ведь это вы похоронили Айдена Альмера...

Ага. И месяц пила отравленный кофе. Безропотная овечка на закланье. Впрочем, показательное самоуничтожение – это только для близких друзей. Эф не заслужил.

– Стало быть, цепочка такая. Подмастерье Дейв бежит за Линдси, ведь она хорошенькая и служит у графа. Линдси бежит за вами: шутка ли – благородный рыцарь! Рыцари на дороге не

валяются... А вы воротите нос, прячетесь. Стыдно с простолюдинкой-то. Любитесь на шкурах не стыдно, а вот чтобы милорд узнал – это позор, прямо несмываемое пятно. Даже не стесняетесь запугивать людей, чтобы никто никому ни слова... Эф, я очень не люблю историй о дворянских сынках и простых девушках. Слыхала такие в монастыре: они всегда кончаются грустно.

Он скривился и фыркнул:

– Вы что же, священник, чтобы совестить?

– Я – послушница Святой Ульяны. И феодал. И наследница трона. И девушка. Из какой роли ни посмотрю, мне не нравится то, что вы сделали.

– И как поступите, миледи? Найдете настоящего злодея или накажете меня, поскольку я вам не нравлюсь? О, это будет очень по-женски! Покарать мужчину за то, что он недостаточно любит девушку!

Я не разбираюсь в любовных делах, мне сложно судить. Видимо, на одной чаше – страсть, нежность, упоение, радость; а на другой – горечь невзаимных чувств, унижение неравенства. Что весомей, ценнее? Окупает ли одно другое?.. Если бы Адриан предложил мне встречаться тайком – что бы я сделала, что чувствовала?.. Не знаю, и думать страшно. Подкашиваются колени.

– Ладно, Френсис... Положим, я вам верю. Не вы похитили Линдси. Если узнаю, кто, скажу вам. Но взамен поставлю три условия.

– Какие?

– Первое: вы забудете свою увечную ягодицу и вспомните о вежливости. Второе: если в поисках Линдси мне понадобится помощь, вы ее предоставите. Третье: если найдем Линдси живой, вы поведете себя по совести.

Он помедлил, поиграл желваками, пожевал губы. Протянул мне руку:

– Слово рыцаря, миледи.

* * *

Центр игровой комнаты – круглый стол с темной крышкой. Окна занавешены кроме одного – того, в которое видны Луна со Звездой. Горят шесть свечей, никакой искры. Играет музыкальная машина: вращается диск за стеклом, атональная мелодия подрагивает в воздухе.

Мы сидим круг стола. Леди Иона в серебристом платье и белой шали, Джейн в изумрудно-зеленом, руки в золотых браслетах. Лица у них такие загадочные, таинственные, глаза отблескивают свечными огоньками. И я: уставшая за день, полусонная, хочу вина и в постель, и ничего не изображать. Отодвигаю свет подальше, чтобы скепсис на моем лице был менее заметен.

Джейн тасует колоду: перебирает карты, трогает каждую, будто ощупывает. Иона говорит, обводя нас заговорщицким взглядом:

– Пришло время нам узнать секреты грядущего, открыть окно сквозь время и заглянуть в него. Мы готовы увидеть то, что может предстать нашему взору?

– Я готова ко всему! – торжественно отвечает Джейн.

Соглашаюсь:

– Я, вроде, тоже.

– И даже если ответы будут страшны, мы все равно рискнем задать вопросы?

– Рискнем! – с чувством восклицает Джейн.

– А я могу вскочить и убежать. Я – такая трусиха.

Иона хихикает.

– Кстати, о страшном. Я в восторге от вашего рейда в темницу! Вы всполошили весь замок. Уже четверо докладывали мне, что случилось нечто жуткое, но никто не смог сказать, что именно.

– Мы с мастером Сайрусом и часовыми сыграли в прятки. Кажется, я выиграла.

Иона смеется. Она в прекрасном настроении, даже какая-то теплота во взгляде. Джейн строго смотрит на нас и призывает к порядку:

– Дамы, будьте серьезны! Ваши смешки могут оскорбить богов!

– Да, конечно. Я – серьезность.

Иона делает безупречную осанку и прижимает локти к бокам, как школьница на уроке. Джейн глубоко вдыхает и говорит торжественным шепотом:

– Пусть будут боги Луны и Звезды, видящие сквозь время, милостивы к нам. Начнем же.

Она берет мелок и прямо на столешнице рисует крест. На каждом из его концов выводит кружок, приговаривая:

– В это кольцо помещаю силы, что содействуют, а в это кольцо – силы, что мешают. В это кольцо помещаю исток, а в это – завершение дела.

В центральном перекрестии рисует еще один круг.

– А это кольцо обозначит того, кто идет по пути.

И спрашивает:

– О чьей судьбе испросим первой?

Иона подмигивает мне, и я качаю головой:

– Нет-нет, я боюсь. Хочу сперва посмотреть.

Может, по ходу дела обо мне забудут...

– Ну, что же, – Иона пожимает плечами, – тогда начну я.

Сняв с пальца алмазный перстень, кладет его в центральный круг и спрашивает:

– Я, Иона София Джессика, хочу знать: доведется ли мне встретить весну в Фаунтерре?

Хм. Какой милый вопросик!.. Джейн тасует колоду, потом кладет ладонь на перстень Ионы, а второй рукой сдвигает карты. Потом закрывает глаза и одну за другою на ощупь вытаскивает четыре карты, кладет в вершины креста. Силой, что помогает, оказывается шестерка пик; вредоносной силой – дама треф; исток – бубновый валет, а развязка – туз (со своего места не вижу, какой). Джейн озадаченно глядит на карты, она понятия не имеет, что значит сие сочетание. Иона терпеливо ждет, предвкушая пророчество.

– Шестерка пик, – нетвердо говорит гадалка, – означает... эээ... военную силу лорда Эрвина. Она поможет Ионе выполнить желаемое и попасть в столицу... вот только почему шестерка, а не десятка?.. Такая мелкая карта...

– Все верно, верно! – восклицает Иона. – Пики – черные, как плащи кайров! А сила Эрвина мала в сравнении с силой его врага, потому только шестерка!

– Ага, – кивает Джейн, – именно. Теперь, исток событий обозначен бубновым валетом. Карты говорят о благородном муже Ионы – графе Витторе... правда, странно, что не выпал король...

Иона прижимает руки к груди и ахает:

– Я догадалась! Можно, можно сказать? Бубновый валет – это не Виттор, а механик Луис. Тот мелкий, подлый звереныш, что ранил Эрвина в походе! Именно с него все началось.

– Да, пожалуй, – с важным видом соглашается Джейн. – Развязка дела – пиковый туз. Ну, с ним все просто... Иону пригласит в столицу могущественный человек военного сословия... Вероятно, им будет...

– Эрвин! – восклицает Иона. – Ну, конечно, Эрвин! Ведь черный – цвет кайров!

Я деликатно молчу о том, что пика с тем же успехом может означать искровое копьё, и, значит, сам император «пригласит» Иону в столицу – на скамью подсудимых.

– Наконец, мешающая сила, дама треф...

Джейн хмурится, не в силах связать эту карту с вопросом хоть какой-нибудь логической цепочкой. Да, непростая задача. Иона пытается помочь гадалке, но тоже не может ничего придумать.

– О! – Джейн торжествующе вскидывает палец. – Дело в том, что Иона еще не знакома с этой дамой! Некая женщина вмешается в историю и может нанести большой вред! Иона должна сторониться темноволосых дам, пока не окажется в Фаунтерре. Вот о чем предостерегают карты!

Северная Принцесса благодарит богов и поворачивается ко мне:

– Правда, интересно?

– О, да, захватывающе.

– У вас появился вопрос?

Прежде я думала: если в этом фарсе будет хоть капля разума, то спрошу о Линдси. Но рассудком здесь даже не пахнет.

– Лучше я посмотрю – это так любопытно!

– О, как только надумаете спросить, не стесняйтесь, говорите сразу же!

– Конечно...

Иона снимает с шеи кулон, греет ладонями, говорит со светлой улыбкой:

– Эту вещь подарил мне Эрвин София Джессика, она несет след его души. Хочу спросить богов Луны и Звезды о судьбе Эрвина: как он встретит весну? Будет ли сопутствовать ему успех?

Она кладет кулон в центральный круг, а Джейн принимается за карты. Вскрывает четыре «знака судьбы». Девушки в полном восторге: в этот раз карты имеют какую-то видимость смысла! Дама червей в верхнем кольце – конечно, Светлая Агата, она помогает Эрвину. Валет треф внизу – это император: валет потому, что его моральный облик не заслуживает короля, а трефа потому, что сердце Адриана черно, как земля. Он пытается помешать Эрвину, но ничего не выходит, и мятежник вступает в столицу с девяткой пик – стало быть, преумножив свою силу в полтора раза, по сравнению с былой шестеркой. Благодарный народ, освобожденный от Адрианова гнета, примкнул к Эрвину...

Я веселюсь от души. При достаточной гибкости ума любая карта может означать что угодно – главное, подобрать приятную тебе трактовку. Например, дама червей может легко означать и Сибил Нортвуд с ее провальной интригой, черный валет – какого-нибудь предателя в войске Эрвина, а девятка пик – суд над мятежником, ведь как раз девять верховных судей выносят приговор дворянам. Но, конечно, я не мешаю девушкам: они так искренне радуются своим догадкам. Иона сияет, улыбается мне, хватая за руку, восклицая:

– Видите! Видите, как все ясно! Просто чудо!

Джейн спрашивает карты о своей будущей любви. Развязкой выпадает пятерка – конечно, это пятеро детей, и все очень любят мамочку, поскольку масть – черва. Помогает Джейн трефовая дама, а мешает – червовый король. Девушки недолго думают, как бы это понять, и решают: нужно поменять карты местами! Конечно, красный король будет отцом детей Джейн, а черная дама-завистница попытается помешать, да только ничего у нее не выйдет!

Любопытно, какая карта должна выпасть, чтобы девушки поверили в несчастливый конец? Наверное, такого варианта нет. Самоубеждение – огромная сила.

Гадают о графе Витторе. Джейн озорно спрашивает, не найдет ли граф себе альтессу и не полюбит ли ее сильнее, чем жену. Картой развязки выпадает двойка червей. Джейн торжественно сообщает: Иона с Виттором будут крепкой парой любящих сердец! А я-то, глупая, думала, что двойка червей – это две альтессы-блондиночки...

Но вот полночь далеко позади, свечи начинают меркнуть. Сумрак сгущается, и веселье гаснет. Иона меняет диск в музыкальной машине, мелодия становится отрывистой и тревожной.

– Я хочу спросить о судьбе Эрвина Софии Джессики, чье дыханье помнит на себе мой кулон. Каким образом он одолеет своего противника, Адриана? Что за силы помогут Эрвину? И какие препятствия встанут на пути?

Джейн начинает свой фарс... и я понимаю, что устала сидеть молча.

– Мне кажется, на этот вопрос нужно гадать иначе. Ведь речь идет о поединке двух полководцев. Нужно положить в центр по вещи каждого из них.

Гадалка морщится:

– Никогда не слышала, чтобы так делали...

Однако Иона загорается интересом:

– Тьма, а вы правы! Нужно гадать по справедливости, иначе ответ выйдет ложным. Вот только... не найдется ли у вас вещи императора? Быть может, он дарил вам что-нибудь, как своей племяннице?..

– Он знал меня как Глорию Нортвуд и ничего не дарил. К сожалению...

Иона вспоминает:

– Я получила от него диадему в подарок ко свадьбе. Вот только ее вручил посол, а заказал какой-нибудь секретарь... Вряд ли Адриан хоть раз брал ее в руки. Не будет отпечатка его души...

И я говорю:

– А зачем нам подарки? Вещи – всего лишь вещи. Во мне – кровь Янмэй, в вас – кровь Агаты.

Глаза Ионы вспыхивают неподдельным восторгом.

– Святые Праматери!.. Да!

Она ставит чашу в центральный круг. Пару минут мы ждем, пока полусонная горничная принесет нож.

– Хотите быть первой?

Я прокалываю кончик пальца и выдавливаю в чашу несколько капель. Моя кровь стекает по серебру на донце. Туча глотает Луну. Мрак в комнате дрожит от конвульсии свечей. Вот теперь – да – я чувствую близость тайны. Карты, кулончики, перстеньки – все забавки... Но кровь Янмэй – это нечто совсем иное.

Иона проводит лезвием по ладони, оставив темную черту. Роняет капли в кубок, сжимает кулак.

– Я кладу в круг капли своей крови, что также есть кровь Светлой Агаты и Эрвина Софии Джессики, моего брата, и с тем повторяю свой вопрос. Каков будет исход сражения?

– А я помещаю в круг капли крови Минервы Джеммы Алессандры, что носит черты души Янмэй Милосердной и Адриана Ингрид Элизабет, главного врага Эрвина Софии, и присоединяюсь к вопросу.

Джейн очень долго тасует карты. Теперь уже никому не до шуток. Она берется за кубок и сдвигает колоду.

– Я тоже, – говорит Иона. Тонкими пальцами гладит карты, аккуратно снимает половину колоды.

– И я.

Держась за кубок, сдвигаю карты. Они кажутся горячими, а кубок – ледяным. На нем полоска Иониной крови.

Джейн вынимает первую карту с такой бережностью, словно это вексель на десять тысяч. Вторую. Третью. Ловлю себя на том, что уже не сижу, а стою, нависаю над меловым рисунком. Четвертая карта ложится в кольцо, и Джейн открывает все четыре.

Завязка – туз пик. Помощь – валет треф. Помеха – дама червей. Развязка – бубновая четверка.

Прежде, чем Иона и Джейн открывают рты, я говорю:

– Вы давеча хотели понять, как я мыслю. Позвольте, леди Иона, я покажу вам.

– Прошу.

– Туз пик, миледи, – это Эрвин София. Черный – цвет кайров, а туз – та самоуверенность, с которой ваш брат пошел против сильнейшего врага. Валет треф – это лорд Крейг Нортвуд, коего вы обратили в союзника. Эрвин упоает на его помощь, но она будет слаба: валет – не король, согласитесь. Карта помехи – дама червей – конечно, это Светлая Агата. Вы не ожидали увидеть ее на этой позиции? Именно в неожиданности и состоит значение. Адриан атакует Эрвина внезапно. Какова бы ни была агатовская прозорливость, Эрвин не сможет предсказать удар. Наконец, развязка дела – четверка. Бубны изображены на карте квадратом, и это означает окружение со всех четырех сторон. Эрвин будет окружен искровиками Короны, одетыми в мундиры цвета бубновой масти, и силами Альмеры – Красной Земли.

Наступает тишина. Джейн меняется в лице, но она мне безразлична. Северная Принцесса, как ты среагируешь? Любишь игры в откровенность, как твой муж? А что скажешь об откровенности без игр?

Иона говорит:

– Красота честности. Благодарю вас, миледи.

И протягивает мне кубок.

– Только я хочу, чтобы гадание было справедливым. Мы спросили о судьбе Эрвина – узнаем же и судьбу Адриана.

– С удовольствием, – говорю я и добавляю в чашу новые капли. То же самое делает Иона.

– Боги Луны и Звезды, силой крови Янмэй Милосердной вопрошаю вас: чем кончится война для Адриана Ингрид Элизабет?

– Силой крови Светлой Агаты присоединяюсь к вопросу.

Джейн берет за карты. Кажется, ее пальцы дрожат. Мы с Ионой следим за нею, склонившись над столом, голова к голове. Мелькает мысль: мне стоит благодарить Праматерей за Иону. Счастье, что именно она – мой враг. Все могло быть куда хуже.

Поочередно мы сдвигаем колоду, и Джейн раскладывает карты на позиции. Начало – бубновый туз, помощь – трефовый король, помеха – двойка червей. На место развязки ложится джокер. Впервые за вечер он показался на глаза.

– Вы позволите, леди Минерва?

– Конечно, леди Иона.

– Все начинается с бубнового туза: это император на троне, столь же самоуверенный, как мой брат. Он пытается установить надо всем миром власть: не королевскую, ограниченную законами, а тузовую – абсолютную. Ему содействует король треф: это и сила Короны, уже принадлежащая ему, и мощь Святого Вильгельма – первого короля Полариса и носителя Перстов. Сильнейшая помощь, ничего могущественней нет в подлунном мире. А помеха – всего лишь двойка. Такова, на самом деле, сила Эрвина в сравнении с могуществом Адриана. Вы ошибаетесь, если думаете, что я этого не понимаю. Но двойка червей – не двойка пик. Речь не о силе мечей. Если бы дело решалось только оружием, Эрвин был бы обречен. Но иногда ход истории меняют не клинки, а сердца. Благородство, храбрость, вера. Отчаянный удар крохотными силами. Выигрыш одним шансом против сотни. Адриан не сможет предусмотреть этого: ему просто не хватит наивности.

Иона снизила голос и окончила почти шепотом:

– Ну, а джокер... шут... Все знают, кто таков шут в традициях Династии Янмэй: человек, потерявший все.

Меч

Ноябрь 1774 г. от Сошествия

Военный лагерь северян в предместье Лабелина

Я служу в армии герцога Ориджина!

Мысль, на первый слух, звучная. Звонкая такая, парадная, с бронзовым отливом. Сама собою просится на язык словами, да с подходящим выражением лица: подбородок торчком, челюсть выпячена, взгляд прищуренный, надменный, поверх головы собеседника. Выйдет мощно, цельно, как удар в забрало:

– Джоакин Ив Ханна, меч герцога Ориджина.

Звучит!..

Бывших ополченцев Южного Пути, нынешних воинов Ориджина, с рассветом выгоняют в поля, покрытые хрустким инеем. Стройся!.. Одурелые спросонья, дрожащие на утреннем морозце бойцы сбиваются двадцатками, кое-как формируют ряды: семеро вширь, трое вглубь. Копья торчат в небо, острия выписывают восьмерки. Сержант из путевцев прохаживается вдоль шеренг, проверяя построение. Солдаты стоят, как могут: там брюхо вперед, там задница – назад. Кто-то, воткнув копьё в землю, пытается отогреть ладони за пазухой.

– Сссскоты! – орет сержант. – Как стоите? Поровняйтесь! Дерррри строй!

Солдаты кое-как подтягиваются – сообразно своим представлениям о прямой линии. Сержант проглядывает между рядами, бьет кого-то древком меж лопаток, другого – по пузу.

– Стоять прямо! Свины безрогие!

Сержанта зовут господин сержант Додж, он же – Рука. Это именно он поймал Джоакина в таверне на площади города Пикси и, помнится, обещал дать северянам хорошего пинка под их мерзлые задницы. Господина сержанта солдаты не боятся. Он громкий, но не злой. Орет и бранится для виду – служба требует. Но кроме Доджа есть кайр. Кайр молчит и на солдат не смотрит. Стоит подолгу неподвижно, потом пройдет пару шагов, снова стоит. Носит меч с очень простой крестовидной гардой. Кайру на все плевать: на холод, грязь, сержанта, солдат. На солдат – в особенности. Кайра боятся до дрожи в коленях. Говорят, он может зарубить солдата, если тот чихнет не вовремя. Кайра зовут кайр.

– К бою! – кричит сержант.

Солдаты вразнобой хватаются за копья, неуклюже опускают наизготовку. Кто-то получает по шлему.

– Отставить, овцы конопатые безмозглые! Все позабывали, скоты! А ну снова – к бою!..

Солдаты повторяют маневр – снова, снова... Сержант Рука Додж вопит, изрыгая облачка пара. Наконец, строй кое-как принимает боевое положение – щетинится по фронту жидкой гребенкой копий.

– Безрогие свиньи, – говорит сержант и косится на кайра. Тому плевать.

– Пожрать бы... – тихо бормочет кто-то в строю.

– Пасть закрой! – свирепеет Рука Додж. – В атаку!

Отряд, не сразу уразумев приказ, шагом трогается с места. Тут же начинается хаос. Правый фланг вырывается вперед, размахивая копьями почем зря. Левый шагает медленно, но усердно, держа острия на уровне груди. Задний ряд мешкает, но потом стремительно догоняет передние и наступает на пятки. Кто-то роняет копьё, пытается подобрать, другой спотыкается о древко.

– Стоять, дубы осиновые! Поубиваете друг друга! Назад, стройся!

Что такое «назад» – ясно не всем. Половина отряда строится там, куда дошла, другая бежит обратно, пред ясны очи сержанта Доджа. Сержант стогнет «безрогих свиней» в одну кучу, кое-как ровняет.

– К бою!.. В атаку!..

Теперь задние стартуют быстрее передних, и три шеренги сплющиваются в одну стаю.

– Назад, стройся!..

– Пожрать бы...

– Закрой пасть!.. К бою! В атаку!..

За пару часов топтаний земля под ногами отмерзает, превращается в густую овсянку. Подошвы влипают в грязь, выходят с голодным чавканьем. Идти в ногу становится решительно невозможно... хотя, можно подумать, прежде удавалось. На ходу шеренга приобретает самые неожиданные формы: волна, зубчики, лесенка. «Пожрать бы...» – причитает кто-то и постоянно сплевывает. Сержант Додж – с вечера не жравший, как и все, – стервенеет.

– Бегом, козлы полосатые! До сухого куста, там стройся!

Первая шеренга, не дослушав, убегает, минует сухой куст без остановки и быстро удаляется в неясном направлении.

– Догнать этих свиней! Вернуть назад!..

Догнать непросто – грязь, ноги липнут. В брюхе урчит.

– Назад, скоты! Назад!.. За что ж вы мне дадены?..

От последних нечаянных слов сержанту становится стыдно. Косится на кайра. Тому плевать...

Обед приходит неожиданно. Отупевшим от маршировки солдатам кажется, что он не наступит никогда. Вроде бы, уже и день закончился и ночь прошла, и следующий день... Рука Додж устало сплевывает:

– Все, козлики, набегались. Жрем.

Едят из деревянных мисок деревянными ложками. Кухарь отмеряет каждому по три черпака варева: пшенная каша с запахом сала. Кроме запаха, других признаков сала не замечается. Солдаты едят сосредоточенно. Целиком отдаются делу, без лишней болтовни. Первым кончает свою порцию Весельчак. Облизывает миску, утирает рот тыльной стороной ладони, облизывает и ее. Говорит:

– Ну вот, други. Так-то нам всем и конец придет.

Весельчак смотрит на мир под таким углом, с которого ясно видно: всем им, пехотинцам-путевцам, скоро и неминуемо придется помирать. Для выражения этой мысли у него имеется ряд словечек: придет конец, земелька навалится, гробки сострогают, гвоздиками заколотят. Особенно любит слово «лопаты». В том смысле, что заруют.

– Тут-то нам всем и лопаты, други, – с улыбкой говорил Весельчак, когда они стояли на околицах Лабелина под холодным дождем, глядя на подступающие полки Ориджина.

– Этот нам точно лопаты обеспечит, – отметил Весельчак, впервые увидав кайра.

– С такой наукой всем лопаты придут, – комментировал он первый день муштры.

А сейчас поясняет свою мысль:

– Каша худая. На такой и кура издохнет. А человечку-то всяко лопаты...

– Ты поговори мне, – огрызается сержант Рука, глодая мослатую кость.

– Да хоть говори, хоть не говори, – пожимает плечами Весельчак, – одинаково гробки.

Кого каша не изведет, тех владыка закопает.

– Так что же ты сидишь, а? – спрашивает Билли. – Взял бы да сбежал. Ледышки никого не ловят.

Билли знает, что говорит. У него был приятель – Узел. Тот сбежал из войска в первый же день при Ориджине. Потом солдаты с ужасом ждали, когда кайр принесет за ухо голову Узла

и наденет на копьё в назидание всем. Но ничего такого не случилось. Сбежал себе Узел – и черт с ним. Кайр даже бровью не повел.

– А чего бежать-то?.. – удивляется Весельчак. – Можно подумать, от лопаты сбежишь! Лопата всюду найдет: что в войске, что в бегах... Правду говорю, Дезертир?

Дезертиром зовут Джоакина. Все убеждены, что он бежал из войска приарха Галларда. Как увидел еретиков на кострах, так испужался – и наутек. Сперва Джоакин пытался спорить, потом бросил: безнадежно.

– Ага, – бурчит он сквозь зубы.

Сержант Рука скусывает с кости последний хрящик, отбрасывает ее, сосет палец.

– Вас послушать, парни, так хоть сразу вешайся. Никакие не гробки! Вы мне главное ходить научитесь, а там уж как-то все устроится.

Он добрый потому, что сытый, и потому, что нет рядом кайра.

– А ты, Рука, что же?.. – с хитрецей заводит Билли. – Мы все слышали, как обещал: пнем мерзлых задниц так, что до Первой Зимы полетят. Было? Было. А теперь что? Лижешь эту мерзлую задницу, язык на локоть высунул. А нам затираешь: все устроится, все устроится... Что устроится? Когда владыка ледышек укоротит – мы где окажемся?

– Гробки-гвоздики, – вставляет с радостной усмешкой Весельчак.

– Ты, солдат, как с сержантом говоришь?! Свинья безрогая!..

– Да ладно тебе, не служись. Ледышки рядом нетуть... Вот ты нам правду скажи: как встретим искор – что будем делать?

– Не твоего ума вопрос! Ты ходить научись и колоть. А за стратегию лорды будут думать.

– Стратегия? – не унимается Билли. – Передохнуть поскорей, чтобы не страшно?

– Билли, закрой колодец! Побьют ледышки искор – это как пить дать! Ты, главное, ходи как следует...

– Ледышки искор?.. Ага, держи карман!..

Отряд принимается спорить о том, кто кого побьет. Лениво, без азарта. Собачий холод, пресная каша да волчина-кайр – вот настоящие заботы. А уж кто кого победит – вопрос такой далекий, что глупо переживать о нем всерьез. Искровики владыки – кто они?.. Что умеют?.. Как выглядят?.. За вычетом Джоакина, отряд состоит из крестьян. Соседнее село для них – неблизкий свет; город Лабелин – центр мироустройства. Никто в глаза не видал ни воинов владыки, ни искрового оружия. Потому крестьянские парни так охотно и пошли на сторону северян: искровики императора представлялись далекими, туманными и нестрашными, а вот кайры были о-о-о как близко.

Один из них возникает за плечами Руки Доджа, и сержант подпрыгивает на ноги:

– Кончай жрать! Стройся, свиньи безрогие, козлы полосатые! Стрррройся!..

Я служу в войске Ориджина. Я – меч герцога!

Джоакин повторяет эту мысль. Начищает бархоткой до блеска, пытается согреться в лучах. Такое себе тепло... не печурка.

Отряд марширует до заката. Тренируют: «в защиту», «пехота», «конница». Это значит: сомкнуть строй, закрыться щитами, выставить копьё. Против пехоты – в руке на весу, чтобы колоть; против конницы – на упор древком в землю. Щитов не хватает, потому их выдали только первой шеренге. Парни пытаются орудовать копьями с помощью одной правой. Выходит скверно: они и двумя-то руками не справлялись. То и дело кто-то во второй шеренге получает от впереди стоящего собрата удар древком по колену, поминает Праматерь. Билли просит дать щиты второму ряду – для защиты от первого. Кто-то смеется. Сержант брызжет слюной:

– В оборону!.. Конница!..

Припав на одно колено, солдаты втыкают древко в землю, выставляют острия перед собою на уровень конской груди.

– Встать, стройся. В оборону! Конница!.. Встать, стройся. Конница!.. Встать, стройся. Конница!..

Они вскакивают и приседают, вскакивают и приседают, вскакивают и приседают, доходя до полного дубового отупения. За полсотым разом копыта приучаются твердо смотреть в нужную сторону. Рука Додж самодовольно бранится:

– Можете же, скоты плешивые!

Тут кайр впервые проявляет нечто вроде чувства: шерится краем губы. Изю всего отряда один Джоакин понимает смысл. Ухмылка эта говорит: вы – мясо. Отруби. Тяжелая кавалерия пройдет по вам и даже не споткнется. Ваши копыта – слишком короткие и легкие, против рыцарей нужны пики вдвое длиннее и толще. Но вам такие не дать: вы и с этими хворостинами едва справляетесь. А духу в вас – как в кроликах. Когда земля под вами заплещет от копыт, побежите кто куда с криком: «Мамочка, спаси!» И подохнете, даже не поняв, что сами себе приговор подписали. Для конника нет добычи легче, чем бегущий пехотинец.

Немного теплее делается Джоакину от того, что он один уловил мысль кайра. Как ни крути, а он – воин, не чета этим. Не потроха и не мясо, а подлинный меч! Хотя и без меча... И следом тут же накатывает тоска: я – боец герцога Ориджина. Почему, тьма сожри, я ползаю в грязи вместе с мужиками?..

– В оборону – пехота!.. – вопит Рука Додж, сбивая Джоакина с мысли.

– К бою! В атаку!.. Стой, стройся. К бою! В атаку!.. Стой, стройся. В защиту – пехота!..

По правде, думать приходилось редко. Все время что-то отвлекало, будто боги присматривали, чтобы голова Джо была свободна от печалей. Утром – холод, зубы стучат. Днем – муштра: тупой труд до полной одури, будто и вправду скотина, впряженная в плуг. Вечером – поесть и быстро спать, пока брюхо не переварило скудный харч и кое-как чувствует себя сытым. Однако временами – в строю, на передышке, в очереди за кашей, ночью, проснувшись от холода, – все-таки заползала в башку мыслишка и думалась. Я – боец. Славный мечник, сын рыцаря! Я служу в войска герцога Ориджина! Отчего же все так... так... и вслух не скажешь то слово, что на язык просится?

А следом – если мысль накатывала перед рассветом, когда обратно уже не уснешь, слишком трясет и в животе урчит, – следом приходило еще: тьма, что же осталось от меня?! Воин без успехов, мечник без меча. Любил милашку – погибла. Любил красавицу – стала чудищем. Шел служить герцогине – теперь подчиняюсь тупому мужлану. Что с моей жизнью сделалось?! За что серчают боги?

Тогда Джоакин брался за кинжал. Гладил эфес, находил подушечкой пальца гравированный вензель, пощелкивал лепестками. Становилось вроде как легче. «Джоакин Ив Ханна с Печального Холма», – говорил себе парень. Пробовал на слух свое имя, мягко нажимал на «Ханну». Немного теплело.

Кинжал он всегда носил на поясе – при любых построениях. Дворянская вещица привлекала внимание, правильной было бы спрятать, но Джо слишком боялся, что клинок украдут. Однажды кайр заметил кинжал. Подозвал парня к себе.

– Что за оружие?

– Искровый стилет, кайр, – отчеканил Джоакин.

– Дай-ка.

Он дал. Кайр повертел в руке, шелкнул лепестком, оглядел вензель. Спросил:

– Ворованный?

– Никак нет, кайр.

– Как зовут?

– Джоакин Ив Ханна.

– Первородный?..

– Никак нет, кайр.

Северянин взвесил клинок на ладони, и у Джо похолодело в хребте: отберет. Но кайр молча вернул кинжал. Парень хотел разглядеть на лице воина тень уважения – хоть самую тусклую! – но при всем старании не смог.

Снова шли дни, холодало, снег перемежался с дождем. Войско славного герцога Ориджина месило грязь в предместьях Лабелина, выедало городские закрома. Крестьянские парни с рассветом становились в строй, тыкали копьями невидимого врага. К бою! В атаку! В оборону!.. Стучали зубами, путали команды, наступали друг другу на пятки, шибали древками. Сержант Рука орал своих «безрогих свиней», Билли подначивал его:

– Глотку не надорви! Вот переметнемся к искрам – тогда уж расстараяешься...

Весельчак радостно сообщал:

– В гробки переметнемся – вот куда! Зима придет – всем нам лопаты. Дров нету, тулупов не дают...

Кто-то ворчал:

– Пожрать бы...

Кайр прохаживался мимо, равнодушный ко всему, кроме воли герцога, далекого, как Звезда в небе. Джоакин думал: когда-то я был с герцогиней... Когда-то... Становилось смешно и горько разом. Тоже мне – когда-то! Два месяца назад это было – вот когда! Даже меньше двух... А будто в прошлой жизни – подумать только. Обида, горечь, злость на Аланис улетучились. Прошлогодний снег... Была пустота, до того гложащая, что хотелось тут же коснуться эфеса и назвать свое имя, хотя бы шепотом:

– Джоакин Ив Ханна с Печального Холма... воин герцогини... герцога...

* * *

– Сегодня учимся колоть, барашки мои копытные! По трое. При команде «позиция» выходим на позицию. Это значить, за две трети копыя от дурака. При команде «коли» – колем. Целим, значить, в перекрестье, туда, где гвоздем сбито. Колем быстро, ясно? Быстро и жестко, не девку гладим!

«Дураками» звались две доски, вбитые в землю и сколоченные меж собою вверху – вроде перевернутой буквы V. Бить копьём надлежало именно в перекрестье досок.

По команде первая тройка солдат вышла к «дуракам».

– Коли!

Они ударили. Как ни странно, лишь одно копьё из трех попало в цель.

– Стой тверже! Коли!

Снова удар.

– Шире хват! Коли!..

Снова.

Казалось бы, что за труд – попасть острием в скрещение досок, размером с крышку горшка или забрало шлема? Но выходило прискорбно: солдаты или промахивались, или били слишком медленно, не крушили цель, а мягонько так толкали.

– Да бейте же, безрогие! Ну! Сильнее! Жестче! Коли! Коли!.. Коли, чтоб щепки летели!..

Какие там щепки!.. Копье и в доску-то не встревало – стучало и отскакивало...

– В строй, скоты... Следующие!..

В новой тройке вышел Джоакин. Поднял копьё, примерился. Он-то не копейщик, полуторный меч – вот оружие по руке. Однако плечи крепкие, пальцы хваткие, глаз верный. Этого за два месяца не растеряешь!

Джоакин ударил раз, второй, третий. Вогнал острие глубоко в доску, выдернул. Ударил снова – угодил в край доски, отщепил лучину. И третий раз – всадил так, что «дурак» наклонился.

Сержант Рука аж залюбовался. Но спохватился, прикрикнул, подпустив злобы:

– Не бей без приказа! Раз командую – раз коли, а не трижды! Считать не умеешь?!

Джоакин выдернул копьё.

– Вот теперь – коли!

Стук – шатаются доски.

– Коли!

Стук – отлетает щепка.

– Коли!

Звяк! Острие бьет прямым в шляпку гвоздя.

Тогда кайр смотрит на Джо с хмурым таким любопытством и говорит:

– Ко мне.

Парень подходит, поднимая копьё к небу. Кайр обнажает меч. Хлопает себя ладонью по ребрам:

– Сюда.

Джо пытается понять, но не выходит, и он только смотрит на северянина:

– Милорд?..

– Сюда бей, – говорит кайр, тыча большим пальцем себе в грудь, чуть ниже серебряной пряжки, держащей меховой плащ на плечах.

Джоакин делает выпад. Медленно, осторожно. Кайр так же вяло отбивает – будто муху гонит.

– Бей, как надо, – говорит, и в голосе слышится угроза. – Покажи, что можешь.

Джо медлит. Переворачивает копьё острием назад. Кайр делает шаг и кончиком клинка указывает Джоакину в пупок.

– Не станешь драться – выпущу потроха. Понял?

– Да, милорд...

– Теперь бей.

Джо целится острием копья. Сверкает пряжка – серебряная косточка, протетая в глазницы черепка. Плащ на кайре пушится песцовым мехом. Под плащом куртка – черная замша, белеет ворот сорочки. Никакого железа! Один удар – и северянин ляжет.

Вполсилы Джо бьет. Кайр отражает – ни один мускул не дрогнул, только меч взлетел вместе с рукою.

– Отберу твой краденый кинжал, – тихо говорит северянин, – на него твои же кишки намотаю. Бей, путевец! Хоть что-то ты умеешь?

«Тупой Южный Путь, – вдруг слышит Джо голос герцогини. – Всякий знает, что путевцы обделены умом...» Хоть что-то? Хоть умею? Бей, путевец? Так я ударю. Не жалуйся потом, мерзлая задница! Сам просил – так получай. Получай!

Джо бьет.

Меч взлетает дугою и отбрасывает копьё.

Джо шагает вбок и бьет снова.

Меч отбивает – за дюйм от пряжки.

Джо бьет.

Блок – за полдюйма.

Он бьет – теперь уже со всею силой и скоростью. Прямо в глаз серебряному черепку. Получи, ледяшка! Получи от воина герцогини Альмера!

Удар. Блок. Удар. Блок.

За четверть дюйма. За полпальца. За волосинку.

Кайр не атакует, только защищается. Защита дается все труднее. Где та вальяжная сука! Горят глаза, бугрятся мышцы, пружинят полусогнутые ноги, отбрасывая корпус с пути острия...

Джо лупит – с куражом, азартом. Со времен боя в замке Блэкмор не чувствовал этого! Получай! Будешь знать путевца! Я не хуже! Я – воин, тьма тебя!..

Издали несется голос сержанта – тягучий, замедленный:

– Ты чтооо твооориийишь, скотиийи...

– Сам свинья! – орет Джо. Вливает всего себя в острие на древке – и выстреливает в грудь северянину.

Свистит клинок. Трещит дерево. Отсеченный наконечник летит в сторону, в руках парня остается щербатая палка. На куртке северянина расходится прореха. Капля крови ползет по материи.

– Убью! Задушу, освежую, на потроха пущу! – вопит Рука Додж, подбегая к парню. Нападает на взгляд кайра, умолкает, хлопает глазами.

– Сделай этого мастером, – говорит кайр. – Пусть дотянет других до себя.

Вкладывает меч в ножны, чешет царапину на груди. Гаснет огонь в глазах, заменяется снегом. И все?.. Нет, и это все?.. Учить деревенщину держать копьё?! Вот чего хочешь от Джоакина Ив Ханны?!

Он бы не сказал этого. Просто так – ни за что бы не сказал. Даже мысль не пришла бы... Но вот сейчас – с горящим еще в жилах азартом, с ладонью, аж стонущей от тоски по мечу!..

– Кайр, позвольте сказать.

– Говори, – отвечает северянин.

– Мне необходимо увидеть герцога.

Кайр клонит голову набок – так собаки делают, когда слышали слово, да не поняли.

– Мне требуется увидеть, – с расстановкой повторяет Джоакин, – его светлость Эрвина Софию Джессику рода Агаты.

– Ах, свинья плешивая!.. – с бульканьем вырывается из глотки сержанта.

Кайр уточняет, внимательно глядя в переносицу парню:

– Ты спятил, или как?..

– Кайр, у меня имеются сведения крайней важности. Считаю необходимым сообщить их герцогу, ибо они могут изменить ход войны.

– Ну, говори.

– Я не вижу его светлости, кайр.

Меч северянина вылетает из ножен, описывает дугу и замирает, наметив на шее Джоакина красную нитку. Мол, все тебе ясно, путевец?.. Нет, ледышка, не все!

– Кайр, я не хочу проявить неуважение или недоверие. Но сведения у меня очень особого свойства. Если герцог узнает, что я распустил язык, то снимет с меня голову. А раз так, то не все ли равно: вы – сейчас, или его светлость – завтра?

– Ты хочешь – потревожить милорда – неизвестно чем?

Кайр чуть сильнее прижал клинок. Капля крови скатилась в ямочку под кадыком.

– Эвергард, кайр. Я не могу больше сказать. Позволит его светлость – тут же расскажу, хоть с башни прокричу. Но заговорить без его позволения – все равно, что самому сложить голову на плаху.

Северянин отнял меч и рявкнул:

– В строй!

Тем днем история не получила продолженья.

Но следующим днем за обедом Весельчак толкнул Джоакина под ребро:

– Землица тебе, Дезертир. За тобой ледышка явился. А я говорил, что так будет...

Джо обернулся. Палец кайра указывал ему в лицо.
– Вставай, путевец. Идем.

* * *

Девять дней Джоакин пробыл в войске северян. Он-то дней особо не считал, но если сосчитать, то выйдет ровно девять. И вот надо же: за все девять дней он думал меньше, чем за девять минут, пока следом за кайром шагал между шатров, шалашей и навесов.

Аланис Альмера жива. Вся Империя считает ее покойницей, но герцогиня выжила. Значит, власть приарха Галларда – пустышка. Его враги дорого заплатят за такое известие. А ведь молодой Ориджин – по всему, враг приарха! Галлард заодно с Адрианом, Эрвин против Адриана – выходит, враги. А значит, в руках... в голове Джоакина – ценная штукавина. Вексель. Выложи на стол – и получай расчет. «Носите в памяти мои капризы и предъявляете к оплате, будто вексель...» Нет, лживое отродье, от тебя никакой мне платы не нужно! Замараюсь, если возьму. Но Эрвин София – другое дело. Я уже служу ему... но хочу служить иначе. Я – не какой-то там мужлан безрогий. Воин! В поединках проверен, крови пролил немало – и своей, и чужой. Из трудных переделок выбирался и своих хозяев вытаскивал. Аланис Альмеру со Звезды вернул!.. Говорят, она – далекая родня вашей светлости? Так сделайте то, чего не сделала она: оцените по заслугам. Дайте достойное дело, о большем не прошу! Дайте проявить себя – всем же лучше будет: и мне, и вам. Ну, если пожалуете рыцарство, тоже отказываться не стану. Очень уж рука по мечу скучает. По доброму холодному клинку, по шершавой оплетке на рукояти... вам ли не знать, милорд!

А не подлость ли я делаю? Ведь продаю... пусть не врагу и не за деньги... Так о чем тогда разговор?! Продажа – это за деньги! Галлард гору золота отвалил бы за твою уродливую головку, но к нему-то я не пошел! Иду к твоему соплеменнику... Агата может понять Агату – разве нет? Вот Ориджин, поди, и поймет тебя – с твоими-то капризами, со злобою, с ядом. Даст тебе что нужно, чтобы вернуть Алеридан... или не даст – мне какое дело! Я просто возьму то, чего достоин. Я сказал тебе тогда: без благодарности не уйду. Сказал? Ну и вот! Держу слово.

– Это он? – спросил другой кайр, преградив им дорогу.

– Он самый.

– Как зовется?

– Джоакин Ив Ханна.

– Оружие?

Теперь уже обращались к нему, и Джо отдал кинжал.

– Можете быть свободны, – сказал кайр кайру. Тот ушел, а новый встреченный, не потрудившись представиться, махнул Джоакину:

– За мной.

Миновали кордон: частокол из бревен, цепочка часовых. Внутри чище: дорожки не так разбиты, не каша, а слякоть. Ни навоза, ни копытных следов: кони остались снаружи, здесь только люди. Стояли шатры: пестрые, нарядные, как на турнирах; над каждым полоскались гербовые вымпелы. Большая палатка пыхтела в небо дымом – кухня. Парни в сером несли своим хозяевам еду на подносах, накрытую крышками – чтоб, значит, не остывала. Ишь...

– Говоришь, когда милорд спросит, – бросил кайр через плечо. – Не спрашивает – молчишь.

– Да, кайр.

– С милордом двое кузенов. Они – тоже Ориджины. Ясно, что из этого?

– Так точно.

– Если пришел по пустяку, отрежу нос и уши. Ясно?

– Нет, кайр, не по пустяку.

– Это не тебе знать. Его светлость скажет, есть ли от тебя польза.

Джоакин не успел ответить: увидел огромный – больше крестьянской избы! – алый шатер с черным когтистым нетопырем на флаге. Возле шатрового дворца, комфортно разместившись за столом, обедали трое.

Лорда Эрвина Ориджина парень видел прежде лишь единожды: в день сражения за Лабелин. Герцог-мятежник выехал навстречу войску Южного Пути с горстью своих рыцарей. Джоакин смотрел на него этак с сотни шагов и лица не разглядел. Но все остальное!.. Черные доспехи на Эрвине были идеально пригнаны, будто ртутью обтекали фигуру, и придавали герцогу вид грозной сумрачной тени. Плащ развевался по ветру серебряной волной. Свиристый вороной жеребец, казалось, дышал огнем. Эрвин не нес ни щита, ни копыя – только меч, и легкость вооружения лишь подчеркивала отвагу мятежника. С семеркою воинов – навстречу пятидесяти тысячам врагов! Чтобы предложить им, пятидесяти тысячам, сдаться!.. Словом, блистательней воина Джоакин не видел за всю свою жизнь.

Тогда же, в тот самый миг, поселилось в нем чувство, лишь теперь до конца осознанное: зависть. Лорд Эрвин не был старше его, не выше ростом, уж точно не шире в плечах. И мужеством не превосходил – ну, может, чуть. Разница меж ними лишь та, что Эрвин родился двумястами миль севернее и под фамилией Ориджин. Вот за эти незначительные заслуги ему дано все, о чем Джо только мечтал: огромная власть, могучее войско, земли и замки, преданные соратники, слава... Есть ли справедливость в мире?!

В день сражения Джоакин не рассмотрел лица Эрвина, но сразу уверился: герцог должен быть красив. Боги так щедро осыпали его своими дарами, что просто не могли обделить внешностью! Так и есть: красавчик, – с горькой завистью подумал Джо, увидев Эрвина теперь, за столом у шатра. Бронзовые мужественные черты: волевой подбородок, точеный нос, резко вычерченные скулы, зоркие холодные глаза, а в довершение всему – волосы из светлого золота. Будто сын Светлой Агаты, или брат Аланис Альмера – той, со страницы!

Отчего-то герцог восседал не в центре стола, а ближе к краю. По правую руку от него разместились оба кузена: широколицый бородач в кайровском плаще и сутулый парень, весь закутанный в меха. Бородач, судя по ширине плеч и шрамам на лице, повидал немало битв, потому сразу вызвал у Джоакина уважение. Сутулый паренек выглядел зябко, если не болезненно: бледная кожа, темные круги под глазами, взгляд какой-то усталый... Странно даже, что он зовется Ориджином. Позор семьи, наверно.

– Милорды, – кайр отсалютовал вельможной троице, – перед вами Джоакин Ив Ханна – солдат-путевец, который хвалился сведениями.

– Да-да, благодарю, – сказал шуплый кузен. – Чем порадуете нас, сударь?..

Ну, если уж радовать, то только герцога, а не какого-то там кузена! Джоакин твердо повернулся к лорду-красавчику и сказал:

– Ваша светлость, рад служить вам. Волею случая мне достались сведения, влияющие на весь ход политической истории. Это касается Великого Дома Альмера. Прикажете сообщить сейчас или наедине?..

Герцог покосился на кузенов. Бородач сказал: «Бывает...», а сутулый паренек с ухмылкой пожал плечами.

– Говорите сейчас, – велел герцог. – Здесь – только самые доверенные люди. Позади вас – достойнейший воин, капитан Джой Хэммонд. Бородач – мой славный кузен, кайр Роберт Ориджин. А вот этого парня в мехах тоже как-то зовут... я, право, запомнил имя, но, слово чести, он также мой кузен.

Джоакина покорило от того, как походя герцог унижает родича. Нечто до боли альмерское было в этой шутке!.. Джо набычился, и слова вылетели из головы.

– Ваша светлость... эээ... я имел сказать...

Герцог ждал продолженья. Бородач жевал куриную ножку. Кайр Хэммонд кашлянул, напоминая: нос и уши, путевец. К чертям отрежу.

– Говорите уже!.. – поторопил Эрвин.

– Аланис Альмера, – выдохнул Джо.

– Что – Аланис Альмера?

– Она жива.

Пауза.

Ориджины переглянулись. Герцог помял подбородок. Бородач отложил куриную ногу и значительно пробасил: «Ага...»

– Повторите-ка, – сказал герцог.

Видя интерес на лицах вельмож, Джо вернул былое красноречие:

– Леди Аланис Альмера, которую считают погибшей при Эвергарде, волею богов осталась жива.

– Откуда вы это знаете?

– Я, милорд, явился непосредственным свидетелем и, более того, участником ее чудесного спасения.

Сутулый безымянный Ориджин попросил герцога:

– Позволь-ка, я задам пару вопросов нашему доброму гостю. Больно любопытно.

– Прошу, кузен.

Паренек указал Джоакину место за столом:

– Присядьте. Желаете вина?

Джо сел. Желание проявить скромность поборолось в его душе с заманчивым будущим шансом сказать: «Мне случилось пить вино с самим герцогом Ориджином, да еще его кузенами в придачу!..» Победила скромность.

– Ну, как пожелаете. Итак, вы были свидетелем и участником спасения леди Аланис?

– Да, милорд.

– Каким же образом она спаслась?

– Верные рыцари вынесли ее из Эвергарда через подземный ход. А я по воле Праматерей встретил их и оказал немалую помощь.

– Немалую помощь?.. И в чем она состояла?

Серые глаза сутулого были не просто усталыми. Еще – надменными, с наглой, заносчивой хитринкой.

– Извольте видеть, милорд, наш отряд попал в засаду, устроенную людьми Галларда Альмера. Исключительно при моей помощи герцогине удалось избежать плена и гибели. Однако ее вассальные воины были потеряны в бою, и единственной защитой и поддержкой миледи остался я – Джоакин Ив Ханна.

– Вот даже как!.. Позвольте узнать, что вы предприняли дальше – с целью защиты и поддержки?..

Закрадывалось неприятное ощущение, что безымянный кузен не верит Джоакину. Ишь, какой! Лучше бы напрямиком с Эрвином говорить, а не с этим! Хорошо хоть, Эрвин все слышит.

Джоакин сел вполоборота к красавчику-герцогу и заговорил:

– Ситуация, в которой мы оказались, была очень сложна. Говоря «мы», я имею в виду себя и леди Аланис, ибо больше никого с нами не было. Нас преследовали головорезы Галларда Альмера, а также предателя Блэкмора. Приходилось путешествовать в состоянии полнейшей маскировки, скрытности и безденежья. Однако, милорды, заверяю вас: леди Аланис не нуждалась ни в чем. Желала еды – извольте откусать; нужен был конь – вот и конь, пожалуйста. В гостинице ночевать – для миледи лучшую комнату, а я несу вахту под дверь. Если в поле – всю ночь не сомкну глаз, чтобы не подкрались враги. Понадобился лекарь – я вихрем мчусь и привожу лекаря, притом самого лучшего, да с полной сумкой снадобий!

– Лекарь?.. – сутулый кузен как будто встревожился. – Леди Аланис нездорова?

– Она получила ранение при штурме Эвергарда. Но не волнуйтесь, милорды, сейчас ей ничто не угрожает. Преодолев все преграды, я доставил миледи в такое место, где ей оказали наилучшую врачебную помощь. И всяческая наименьшая опасность, что угрожала ее жизни, теперь устранена!

– Стало быть, герцогиня Аланис Альмера дважды обязана вам жизнью?..

– Это слишком громкие слова, милорд. Я бы не осмелился сказать именно так, хотя это и правда.

Герцог Эрвин хохотнул. Безымянный кузен улыбнулся одними глазами, на миг обретя сходство с леди Аланис. Так и она улыбалась в лесу, в овраге, когда блэкморские сквайры шутили про грибочки.

– А не скажете ли, сударь, каков характер ранения леди Аланис?

– Каков бы он ни был, милорды, – на всякий случай уклонился Джоакин, – беда уже позади. Миледи здорова и полна сил.

– Потому вы и позволили себе оставить ее одну?

Теперь даже тон был похож! «Ах, вы потеряли своего коня? Не тревожьтесь, сейчас я сбегая и разыщу его! Или предпочтете корову?..»

– Милорды, я оставил миледи в обществе надежных людей, окруживших ее всяческой заботой, а сам отправился в путешествие, чтобы разыскать помощь, необходимую в той непростой... эээ... политической обстановке, в которой миледи оказалась.

– Хотите сказать, это Аланис отправила вас к нам?

– Нет, милорд. Я рассудил на свое усмотрение и решил обратиться к его светлости – вашему кузену – как к человеку сильному, благородному и... эээ...

– Красавчику, – подсказал сутулый. Герцог почему-то нахмурился.

Кузен повел плечами, плотнее кутаясь в меха. Взял чашу вина в обе ладони, будто пытаюсь согреть пальцы. На узких руках его были перчатки из тонкой кожи – опрятные такие, чистенькие, гладенькие. Если смотреть только на руки, подумаешь, что перед тобой девица!

– Итак, Джоакин Ив Ханна, оставим лирику. Я понимаю так, что местоположение Аланис вы откроете нам за некую плату. Назовите цену.

Вдруг, неожиданное и прежде не познанное, возникло у Джо чувство, что его испытывают. Не чахлый какой-то герцогский родич, а сама судьба. Назовите цену. Это шанс – редкостный, сверкающий! Что угодно можно назвать, и всемогущий Дом Ориджин даст, не моргнув глазом. Рыцарский титул, владение, золото – что им стоит? За месяц проглотили половину Южного Пути, идут на столицу, грозят императору! Все, о чем только может попросить Джоакин, для этих троих северян – тьфу, пылинка... Но откуда же чувство, что есть лишь один верный ответ?

Назовите цену. Скажи то, что должен. Не ошибись. Праматери смотрят на тебя. Прежде не смотрели... но теперь!..

– Я не люблю торги, – сухо произнес кузен. – Не ждите, что стану предлагать. Скажите сами, чего хотите.

Служить его светлости... в титуле рыцаря... принести присягу... Как-то все померкло, сделалось пресным на вкус, ненастоящим. Единственный шанс – истрать его достойно. На то, что нужно. Без промаха.

Джоакин встал, сделал шаг, остановился перед златовласым герцогом Эрвином.

– Ваша светлость, я прошу вас дать слово, что поможете леди Аланис. Защитите и убережете ее, оградите от бед.

– Слово?.. – герцог опешил.

– Да, ваша светлость. Поклянитесь, что поможете миледи! Тогда я открою вам, где она.

– Бывает... – обронил бородач.

Герцог смерил Джо ледяным взглядом:

– Ставьте условия, сударь? Требуете от меня клятвы?

– Ваша светлость, вы – благородный человек. Аланис – девушка, попавшая в беду. К тому же, дворянка и ваша соплеменница. Поступите по чести, ваша светлость! Больше ни о чем не прошу.

Была тишина.

Четко услышалось, как тощий кузен шепнул:

– Красиво... хотя и поздно.

Больше никто ничего не сказал – не успел. Вишневый полог шатра откинулся. Джоакина бросило в жар и холод разом. В груди – не то щелок, не то мед, не то жидкий свинец. Лицо вспыхнуло огнем и вмиг сгорело до костей.

Леди Аланис Альмера подошла к столу, тронула за плечо сутулого паренька в мехах:

– Милый Эрвин, прошу, уберите этого человека.

Эрвин?!

Герцог Ориджин – не красивый, худой, болезненный, надменный – поднялся ей навстречу. Стало видно, что он высок ростом – как рыцарь в черных доспехах.

– Миледи...

– От его лжи воздух слишком грязен. Мне трудно дышать. Милорд, будьте добры, сделайте, чтобы его не было.

Аланис не сделала ни единого движения в сторону Джо. Всемогущий Эрвин удостоил его взгляда:

– Как видите, сударь, ваше предложение не актуально.

Похоже, это все.

Сказать что-то... Что тут скажешь?

Джо попятился от стола.

– Кайр Хэммонд, – тоном мягкой просьбы приказал герцог, – Джоакин Ив Ханна знает больше, чем следует простому пехотинцу. Пускай побудет в надежном месте, пока мы решим, как с ним поступить.

Искра

Ноябрь 1774 г. от Сошествия

Уэймар

Храню эти листы, приколов булавкой к тыльной стенке шкафа. Горничная никогда не убирает за шкафом. Мне следовало бы сжечь их. Я ничего о тебе не спрашиваю, дорогая южанка, поскольку ты никогда не прочтешь этих слов. Сомневаюсь и в том, что мы когда-нибудь увидимся. Но не писать не могу: необходимо поделиться и разобраться во всем... и слишком одиноко, чтобы молча носить в себе.

Путаница. Хаос. Чем больше узнаю, тем меньше ясности. Теперь даже не знаю, с чего начать...

Иона. Пожалуй, с нее. После гадания случилась перемена. Иона смотрит на меня иначе: с ее лица исчез туман. Истаяла та мутная снежная паволока, что говорила: «Я не с вами, я – иная». Теперь ее взгляд ясен, остер, пронзителен – когда нацелен на меня. Не думала, что она может так смотреть. Не думала, что Иона способна на такую кристальную ясность, даже во вражде. Это красиво. Теперь мне понятнее, за что Виттор Шейланд полюбил ее.

Мне стало понятно и презрение Ионы ко мне. Ведь я в ее глазах – неблагодарная тварь. Смею быть недовольной, язвительной, одобрять врагов Ионы – после того, как ее любимый муж вызволил меня из пещер, а обожаемый Эрвин обещал усадить на трон! Мятежник требует, чтобы Адриан отрекся в мою пользу. Якобы, он бьется не за власть, а за справедливость; не против всей Династии Янмэй, а лично против деспота Адриана. Для меня это – очевидная чушь. В целой Империи одна лишь Северная Принцесса верит обещанию брата. Тем не менее, могу понять ее чувство: она-то верит искренне...

В замок Уэймар приезжали бродячие актеры и разыгрывали пьеску об Адриане и Перстах. Чудовищный, мерзкий фарс! Владыка показан злобным идовым отродьем, Айден Альмера – невинным ягненком, Аланис – мученицей. Здоровенный бородатый мужлан, игравший владыку, метал огонь и хохотал так свирепо, что первые ряды шарахались в ужасе. А потом все восторженно хлопали! Боги, такое впечатление, что челядь обожает бояться! Чем больше страха, тем больше восторга... В пьесе была и, так сказать, Минерва. Меня изображала грудастая милашка, дурная и плаксивая, как олененок. Я не знала куда деться, все мечтала о кружке косухи. Добрейший Инжи Прайс успокоил меня:

– Не переживай, деточка, ты намного краше этой актриски. Поверь мужчине с опытом.

Одно порадовало: пьеса кончилась мольбою «Минервы» о свержении тирана. Мятеж Ориджина лишь подразумевался, но не был показан. Держу пари: если бы продолжение последовало, «Эрвин» въехал бы на сцену верхом на белом коне, сразил всех злодеев одним взмахом серебряного меча, а после спел серенаду. Хоть от этого зрелища боги уродства меня избавили.

После представления Иона сказала мне:

– Эту пьесу сочинил в вашу честь мой брат.

Что означало: «Минерва, ты – неблагодарная змея».

– Быть может... – Я ответила содержанию, а не форме. – Леди Сибил тоже звала меня неблагодарной.

Красота ясности.

С момента, как я начала понимать Иону, одна штука бросилась мне в глаза. Ее свадьба с Виттором состоялась в марте, а сейчас, полгода спустя, Иона все еще носит узкие платья и пьет вино. Чета Шейландов до сих пор не ждет ребенка. Возможно, боги выбирают более удачный момент, чтобы послать графу отпрыска. Война – не лучшее время... Однако не идет из головы

снадобье, о коем рассказывала в столице милая служанка Элис. Девушки пьют его, чтобы не беременеть... А граф Шейланд может даже не догадываться. Когда речь об Ионе, сложно что-то угадать.

Памятно и то, как Северная Принцесса жестко осадил Мартин. Каким бы ни был Мартин Шейланд (а мне он видится похотливой дрянью), Ионе не стоило унижать его – хотя бы из уважения к мужу. При условии, конечно, если она питает к нему уважение. Мне бы стоило поговорить с кем-то, опытным в семейных делах. Мало понимаю в том, как должны вести себя муж и жена... Но не могу отделаться от чувства, что этот брак – некая фикция. Манипуляция в одну сторону, либо в другую, либо в две сразу. Возможно, Иона – страховка Виттора на случай, если Эрвин чудом победит (как я – его страховка на случай победы Адриана). Возможно и обратное: это Иона управляет Виттором. Она прибыла из Первой Зимы, чтобы обеспечить лояльность Шейланда и успех переговоров с Нортвудами. С Ионой сорок волков. Гарнизон муженька впятеро больше, но я уверена: кайрам хватит сил вывернуть Уэймар наизнанку.

Любящая пара сердец. Высокие отношения...

Какое место занимает Мартин Шейланд, брат Виттора? Как назло, он по-прежнему занимает место на фланге стола, с полной возможностью коситься в мою сторону. Я давно забыла о платьях с декольте и голых плечах, но это не помогло. Возымел действие лишь окрик Ионы. Если прежде взгляд Мартина буравил меня, то теперь трогает мельком, украдкой оглаживает. Я старалась поймать его, различить эмоцию. Заметила: почти так же Мартин мечет взгляды в Иону. Подумала: а ведь вряд ли это похоть!.. Очевидно, что он боится Иону. Здесь многие ее боятся... Но тогда выходит, он боится и меня, а это уже абсурд. Так что за чувство?.. Что он вообще за человек?..

Охотник. Часто пропадает в лесах во главе банды егерей. Болезненно любит внимание и не знает, чем его привлечь, кроме броских нарядов. Отнюдь не добряк, если верить мастеру Сайрусу: псы Мартина у него на глазах загрызли мальчишку. Может, все случилось быстро, и он не успел вмешаться. Как знать... Мартин должен был уехать вместе с братом – выехал с ним из замка, но потом вернулся. Инжи сказал: братья о чем-то поговорили в пути... Поговорили или поссорились? Как знать... Виттор оставил Мартина в замке по ссоре или с умыслом: приглядеть за Ионой, например? Снова-таки, как знать... Линдси собирала Мартину снедь на охоту – стало быть, они знакомы. Некогда я даже метила его в любовники Линдси. Но нет, его не служанки занимают, а хозяйки. Наконец, Мартин шептался с Инжи и Эфом после моего похода в темницу. Отчего встревожился Эф, я теперь знаю. А отчего Мартин?

За столом я завела беседу о темнице: хотела увидеть его эмоции. Начала с монастыря Ульяны, немного рассказала о тамошнем укладе, о пяти словах, о содержании молитв. Переключилась на архитектуру пещер. Тут сир кастелян проявил много интереса, по его просьбе я даже нарисовала на салфетке схемку. Дальше плавно свернула на то, чем отличается подземелье Уэймара, каковы особенности его устройства. Когда дошла до тупика с железной дверью, Мартин сверкнул глазом. Но я не упомянула тайный ход, и Мартин расслабился. Что ж... он знал о ходе из темницы в кабинет брата – допустим. И каков вывод?..

Я кончила рассказ, Иона спросила:

– Леди Минерва, вы не поведали главного. Каково было вам в пещерах Ульяны? Что помогает выжить, когда смерть так близка и заманчива?..

– Смерть не казалась мне заманчивой. Боль, тошнота, бессилье, отчаяние. Никакой красоты, никакой романтики... О чем я молила Печальную, так это об одном: хоть на время забыть меня. Святая Ульяна услышала.

И вот тут – что за ересь! – я поймала взгляд Мартина: не то восторженный, не то жадный. Я даже подумала было, что ошиблась, но девочки-кривляки (вечные гости в Уэймаре) подметили выражение и закричали:

– Я буду как ее высочество: ах, подземелье, ой, так темно-ооо...

– А я буду как лорд Мартин: ее высочество такая, такая-яяя!

И девчонка так выпучила глаза, что отец покраснел и сделал ей замечание.

Ничего не понимаю!.. Где дело касается эмоций, я – полная дура. Мартин Шейланд восхищается мною или вожделеет, или боится, а может, ненавидит. Причина – мой поход в темницу, а может, моя бытность послушницей, но возможно, и форма груди – нельзя исключать сей вариант. Хотя, Минерва, не льсти себе: ты – еще та соблазнительница... Но и Мартин Шейланд – не прекрасный принц. Вот тьма.

Чертова муть, неразбериха. И самое неприятное, все это никак не помогает Линдси. Мартин связан с нею одной беседой – об охоте. Он и сейчас собирается на новую охоту... Так почему я думаю о Мартине? Виттор Шейланд – вот кто имеет значение.

Что о нем? Он имел возможность убить Линдси – несомненно. Положим, откуда-то знал о связи Эфа с нею. Например, от часовых. Нарисовал часы в записке, как это делал Эф, и с кем-то передал Линдси. Она пришла на свидание с любимым, но встретила графа. Тот убил ее, спрятал тело, а сам ушел по тайному ходу, не попавшись на глаза стражникам. Но зачем?! Граф-землеправитель имеет множество способов избавиться от служанки, и убийство своими руками – самый сложный и грязный из них! Да и мотива нет ни малейшего! Можно даже допустить, что Линдси сама знала про тайный ход, и забрела в кабинет Виттора, как я, и нечто такое увидела... Но ведь нечего там видеть, вот в чем штука! Я изрядно порылась в его бумагах – никаких следов ужасных тайн. Виттор фрахтует корабли, получает деньги от каких-то купцов, сам закупает что-то – бакалею, текстиль... Все это – торговые дела, вроде как порочащие лорда, но ведь не тайна. Все знают, что Виттор близок с купечеством.

Занятно. У Виттора есть причины убить, например, меня. Минерва умрет – и рухнет красивая эрвинова легенда о мятеже «в пользу законной наследницы». Если Виттор хочет выслужиться перед владыкой, ему, скорее, стоит уничтожить меня, чем сохранить. Имеется и мотив убить Иону: ее растущая власть над Уэймаром... и средство от беременности. Даже смерть Эрвина пойдет на пользу Виттору: Первая Зима с ее громадным войском достанется милой женушке графа... Но зачем убивать Линдси?! Ума не приложу! И если все-таки мотив есть – то зачем своими руками?!

* * *

– Любезный Инжи, вы всегда так хорошо советуете... Расскажите мне кое-что.

Парочка расцвел, даже крутанул ус. Прежде я его ни о чем не спрашивала.

– С огромнейшим удовольствием, кроха. О чем тебе поведать?

– Как убить человека?

– Ууу... – Инжи нахмурился. – Сдается мне, ты и сама знаешь.

– Я не о том, какое бывает оружие и как им пользоваться. Я о том, как выследить человека, подобраться к нему, нанести удар и уйти безнаказанно. Как убить тайно – вот я о чем.

– И с чего же ты взяла, дорогуша, будто я должен такое знать?

Я состроила самое невинное выражение лица, на какое была способна. Представила себя в розовом платье и с леденцом во рту.

– Ах, сударь, я и не говорила, что должны... Но у вас огромный опыт, вы со всякими людьми знали, по миру странствовали, чужие рассказы слушали. Кого же и спросить, как не вас?

– Положим... – Парочка приосанился. – Но зачем оно тебе, это мрачное дельце? Вот ты бы лучше спросила, как себя с парнями вести. Это тебе скорей пригодится! Бьюсь об заклад, в мужском вопросе ты ничегошеньки не смыслишь.

– Так скучно здесь, умираю от тоски. И вздумалось мне, просто для развлечения, сочинить рассказик...

– Вот так дела! Никогда не встречал человека, пишущего книги! Признаться, я и тех, кто читает, не часто видал.

– Не смущайте меня, сударь, – я потупилась и, кажется, сумела покраснеть. Горжусь. – Это не книга, а просто новеллка, безделица. Но главный герой там – ассасин. Потому я поняла, что мне нужен совет... И сразу подумала о вас, Инжи. Никто другой даже на ум не пришел.

Парочка потер лоб, уселся поудобнее.

– Ну, скажу прямо, вопрос у тебя непростой, много граней имеет. Потому налей-ка мне орджу.

Я принесла две чаши, налила ему, плеснула и себе. Инжи приложился к кубку, с удовольствием крякнул.

– Так вот, значит, про твоего асассина... Ты мне для начала скажи, он на гильдию работает али на хозяина?

Я понятия не имела, что существуют целые гильдии наемных убийц. Как будто они – обычные ремесленники!..

– Нет, не на гильдию. Он лорду служит.

– И кто его цель?

– Пытаюсь выбрать, как будет интересней читателю. Для начала, пускай целью станет другой лорд. Скажем, граф... или даже герцог.

– Ого... – Инжи хлебнул и закатил глаза. – Герцога исполнить непросто. Точней, исполнить-то можно, но вот самому живым остаться – это задачка. Тут вся штука в том, чтобы правильно подойти. Правильно – это значит, скрытно. Приблизиться к нему так, чтобы не понял, кто ты есть. И если ты вот сейчас подумала про всякие трюки – вроде там, по веревке в окно влезть, служанкой переодеться, в бочке вина спрятаться – то я совсем не об этом. Нипочем ты в замок не проберешься скрытно, а если даже и проберешься, то уж точно не выберешься. А твой герцог из рассказа – он ведь в замке живет?

– Конечно.

– И врагов имеет?

– Какой герцог их не имеет?

– И то верно. А раз враждует с кем-то, значит, осторожничает. А коль осторожничает, то – стража, телохранители, сквайры... вся эта меченосная сволочь. Сквозь нее поди пролезь. Потому нужно подходить совсем иначе. Нужно самому к этому лорду наняться в услужение.

– А он возьмет?

– Если ты хорош, то возьмет. Редко встречаются люди, что хороши в своем деле. Лорды ценят таких.

– Но герой ведь не должен показать, что он – асассин!

– Конечно. Значит, надо наняться по другому делу. А это значит, нужно владеть еще вторым ремеслом – для прикрытия. Положим, ты ловок с ножами, удавкой и ядом. Думаешь, ты – асассин? Неа, простой себе убивец, шваль мелкая. Ты должен еще другое уметь, и так уметь, что любого за пояс заткнешь. Например, коли тебе ближе яды, то строй из себя лекаря. Насобачься раны штопать да кости вправлять. Разберись в зельях и снадобьях, научись лопотать по-медицински, так, чтобы никто ни слова не понимал, а все только диву давались. Книжек несколько прочти... а если не можешь, попроси грамотного, чтобы прочел да растолковал, и все, что он скажет, старательно запомни. Асассину надо перво-наперво с головой дружить, потом уже с кинжалом. Вот ты... будь парнем, из тебя бы мастер что надо вышел.

– Благодарствую.

– Так вот, значит, тогда ты являешься ко двору энтого герцога. И ни капли не думаешь о деле – при лордах бывают умельцы, что по глазам прочтут. Думаешь лишь о том, чтобы на службу наняться. Просишься. Тебе дают испытание – ты проходишь. Герцог говорит: «Ну, вижу, ты парень ничего. А мне как раз во втором полку третьего вассала требуется четвер-

тый полковой лекарь. Ступай туда». Тут начинается самое занятное. Перечить лордам – дело непростое, а придется. Ты ему говоришь: «Не тот случай, милорд. Я так хорош, что в какой-то там полк без труда бы нанялся. Но хочу служить лично вашей светлости, и никому другому».

– И что сделает лорд?

– Подумает он, что ты ему по душе. Лордам нравятся парни с характером – тебе ли не знать. Но взять так сразу не возьмет, а сперва проверит на прочность. Скажет, например: «Почисти мне сапоги – тогда и возьму». Ты должен ответить: «Я не чистильщиком нанимаюсь, а лекарем. Делать чужую работу не приучен». Или скажет: «В третьей башне, значит, блаженная прабабка живет-поживает. У нее, у прабабки, с чердаком беда: чирикает, как синичка, и просо клюет. Починишь – тогда возьму служить». Если только полезешь за снадобьями или пойдешь бабку осматривать – все, пиши пропало. Правильный лекарь вот что ответит на такую провокацию: «Мозги, любезный милорд, лечению не подлежат. Если боги сочли нужным изъять ум у человека, то не дело смертного возвращать его обратно». Вооот. Но это еще мягкие варианты, может быть пожестче. К примеру, прикажет лорд всыпать тебе десять плетей за дерзость. Ты стерпишь, он потом спросит: «Ну что, не расхотел?» Ляпнешь: «Расхотел», – вылетит за ворота. Скажешь снова: «Возьмите на службу» – еще десяток хвостов получишь. Или вообще могут тебя кинуть в каменный мешок, и месяц света не увидишь, а герцогские холуи орут каждый день: «Сознавайся – кто тебя подослал?» Сознаешься – здесь и сгниешь. Вся штука таких испытаний в том, чтобы уперто на своем стоять, как осел. Мечтаю служить его светлости – и все тут.

– А дальше что будет?

– Дальше уже все просто. Герцог тебя приблизит, ты выберешь момент, сыпанешь ему медленной отравы да и улизнешь прежде, чем он очокурится. Но тут другой вопрос: а захочешь ли теперь исполнять? Ведь житье у тебя станет, как у Софы Грудастой за пазухой. Денег полно, харчи отличные, работа непыльная, все тебя уважают, даже сам герцог уважает, хотя и задается. Захочешь ли все потерять, но дело окончить? Это уж тебе решать... в смысле, герою твоему.

Я подлила ему орджа и похвалила:

– Вы чудесно рассказываете! Одно удовольствие вас слушать. Позвольте другой вопрос?

– Отчего нет?

– Если ассасину велено убить простую служанку, что бы он делал?

– Странная штука, – почесал затылок Инжи. – Лорд сводит счеты со служанкой – так выходит? Ты видала подобное?

Ага, сама диву даюсь. Это, собственно, и пытаюсь выяснить.

– Положим, – ответила я, – девушка узнала некую тайну о лорде. По случаю, сама того не желая. Просто оказалась не там, где нужно.

– Ох, не по нраву мне это... – сказал Парочка, теребя усы. – Если исполнишь купчину, то в этом есть справедливость. Торгаш всю жизнь людей дурил, а сам жил припеваючи. Вот ему и воздалось. Упокоить лорда – это мастерство нужно. Коли справишься, то ты – первый умелец в цеху, можешь гордиться. А бедную девчущку из простых – жалко... Наивная, не ждет беды, не бережется... Плохое дело.

– Ты, никак, со мною споришь? – холодно процедила я. – Думай, когда твякать, пес.

– Что?.. Да, да, понимаю: хозяин именно это и скажет. И придется-таки порешить девчонку... Ну, тогда тебе надо пойти в самый грязный кабак, хорошенько налакаться для успокоения совести и нанять пару отпетых подонков. Пусть прирежут горничную по-быстрому, а тело бросят на виду прямо среди улицы.

– Зачем же? Не лучше ли спрятать тело?

– Твой хозяин должен узнать, что ты все исполнил как надо. Ведь он же видел, как ты колебался, и может подумать: вдруг ты схитрил, денежку взял, а девчущку выпустил живой? Тогда у тебя печаль приключится, а кому нужны лишние печали?

Я согласилась:

– Своих хватает...

– Верно говоришь. Да вдобавок второе: если тело спрятать, пойдут дурные слухи, люди таинственности всякой наворотят... А секреты притягивают внимание, а нам оно надо – внимание это?.. Нам надо, чтобы все вышло просто и позабылось быстро. Ну, прирезали девицу подонки – так что теперь? Люди всплакнут разок-другой и позабудут. Так что лучше, кроха, пусть тело найдется.

Меткое рассуждение, я не думала об этом! Если бы граф руками Парочки или своими убил Линдси, он бы не прятал тело. Темницы, тайные хода – зачем эти сложности?!

– Давай-ка выпьем, чтобы печалей поменьше было, – предложил Парочка, и я не отказалась.

– А позвольте третий вопрос, Инжи.

– Как же тебе откажешь, милашка!

– Положим, лорд велел ассасину убить леди-жену. Как тогда действовать?

Инжи присвистнул.

– Леди-жену самого лорда?

– Да, сударь.

– Она что же, старая и обвислая? Или сварливая, как цепная сука?

– Отнюдь. Красавица, каких мало. Благородна, обаятельна, спокойна. Все ее обожают.

– Зачем же убивать?!

– Предположим, она затмила самого лорда. Поставила себя слишком высоко, мужа не любит, а снисходит к нему.

– Зазналась, стало быть! Поганая штука. Девице к лицу скромность, а не зазнайство.

– Согласна, сударь. Так что же делать герою?

Парочка глянул уважительно – мол, интересные задачки ставишь. Прокашлялся.

– Кхе-кхе... Тут вот какой поворот надо обмозговать. Когда исполнишь миледи, поднимется скандал. У нее вассалы есть, братья и сестры, родители... любовники, наконец. Они устроят шум, милорду придется кого-то бросить им на растерзание. И вот, надо так сработать, чтобы этим «кем-то» оказалась не ты... в смысле, не твой герой. То бишь, не просто исполнить, а еще и другого подставить. Виновник должен быть сразу прозрачен, а на тебя чтобы даже тень не пала. Как это сделать? Нужно сочинять... Вот, например, поймать момент, когда слуга несет чай миледи, и незаметно для него всыпать отраву. Как поднимется шум, так лакей и влетит, а ты чистенькая.

– Не изящно... Кто поверит, что слуга решил убить хозяйку?

– Что ж... Тогда дожидаться, как приедут какие-нибудь гости. Желательно из тех, с кем у хозяина нелады. И отравить миледи прямо за пиршеством, чтобы на глазах у всех схватилась за лебединую шейку, посинела прекрасным личиком и свалилась замертво. Все придут в такой ужас, что сию же секунду возьмут того, кто косо на нее глядел или просто сидел рядом. Может даже стать, прямо в трапезной его и вздернут: закинут веревку на стропила и айда. А тебе того и надо!

Инжи настолько вжился в ситуацию, что даже хохотнул в усы.

– Да, это самое забавное... для твоего героя: смотреть, как судят другого. Он еще силится вывернуться – ан нет, не выходит, увяз, как бык в болоте! И чем больше бьет копытами, тем глубже встряет. Если сильно оправдываешься, тебя только пуще подозревают от этого. Такая уж судейская натура – недоверчивая.

– Наверное, неприятно, когда тебя судят? – предположила я.

– Да что уж приятного. Судьи – скоты поганые! Можно подумать, сами без греха, – злобно процедил Инжи, но спохватился и соскочил в сторону: – Так вот, значит, о твоей миледи. Есть еще один хороший способ. Если она молодая-красивая и мужа не жалуется, то, наверняка,

любит кого-то другого. Имеется у нее любовник или, как это по-вашему... альтер. Подстеречь их вдвоем в теплой постельке – вот самая чудесная штука. Его уложить мгновенно, искрой, а ее задушить. Или пырнуть, но не сразу насмерть, а наделать этак с дюжину дырок. Потом ножики в ладошки мертвецам вложить. Тогда самый глупый шериф поймет: ссора вышла из-за ревности, любовник озлился и накинулся на барышню, а она, умирая, разрядила в него искру. Так оба друг друга упокоили и в обнимку на Звезду отправились. Любопытно, как им там живется на пару?..

Инжи раскраснелся, говорил живо, с видимым удовольствием. Может, причиной тому был ордж, которым он щедро запивал рассказ.

А мне сделалось как-то дурно. После близкого знакомства с Сибил Нортвуд и Айденем Альмера наивно думала, что разговоры об убийствах меня не смущают. Если бы!..

– Простите, сударь, мне слегка не по себе от этой темы...

– Мне тоже, – кивнул Инжи. – Один святоша когда-то сказал: если ты кого убил, то после смерти он тебя встретит на Звезде. Отомстить не отомстит, куда там на Звезде мстить, но станет ходить следом и глядеть все время. Ты веришь в такое?

Я подумала: а сколько людей будут ходить за тобой, Инжи?.. Десять?.. Сорок?.. Сотня?.. Плеснула орджа в чашу, сделала такой глоток, что захватило дух.

– Не знаю...

– И я не знаю, верить ли. Кажется, на Звезде есть забавы поинтересней, чем совестить кого-нибудь. Даже если он тебя убил – ну что такого? Это ведь дело житейское, все равно помирать когда-то! Верно говорю?

– Сомневаюсь.

Инжи хмуро кивнул.

– И я сомневаюсь. Разно может быть... На то и Звезда. Так что лучше, на всякий случай, помнить меру... Совсем уж детей или девчонок не трогай... без сильной нужды.

– Благодарю за совет, сударь.

* * *

А потом исчезла Джейн.

Она не появилась за завтраком, и я спросила Иону:

– Джейн нездоровится?..

– Ммм... да... – выдавила Иона. Лишь тут я заметила: она мрачна, как сухой колодец.

Какое чувство вечно тянет меня вверх, на Звезду? Жажда справедливости? Сострадание?.. Не льсти себе, Минерва. Любопытство и тщеславие: когда ты окажешься в могиле, виною будет одно из двух.

– Позвольте поговорить наедине.

– Зачем?

– Красота честности.

Мы вошли в покои Ионы, и она попросила:

– Будьте добры, говорите кратко.

Я кивнула:

– Конечно. Две недели назад бесследно пропала моя служанка, Линдси. Я уже почти не питаю надежд найти ее живой. Скажите, что с Джейн не случилось того же.

– Джейн – моя компаньонка, а не прислуга! Не равняйте ее с Линдси.

– О, боги! Да не это важно! Вы знаете, где Джейн? Можете в том поручиться?

Иона тяжело качнула головой.

– Нет. Со вчерашнего вечера я ее не видела. В комнате ее нет. Во всем замке нет, хотя пока еще ищут.

– А в темнице?

– Часовые не видели, чтобы она входила туда. И за ворота не выходила...

Сквозь печаль Ионы мелькнуло новое – острое и холодное.

– Леди Минерва, что вам за дело до нее?

Тут следовало хорошо, тщательно подобрать слова.

– Леди Иона, я нечасто говорила с вами искренне, но сейчас очень прошу поверить.

Мы обе здесь – приезжие, чужачки. Я – пленница, вы – хозяйка, но рискну предположить: вы кое-чего не знаете об Уэймаре, как и я. Линдси была хорошей девушкой и нравилась мне. Я потратила много сил на попытки найти ее и поняла, по меньшей мере, одно: в этом замке творятся странные дела. Кто-то из важных людей похитил и убил девушку. А теперь исчезла Джейн, и я не хочу, чтобы она повторила судьбу Линдси. Мною движет не симпатия к Джейн, а надежда на справедливость. И еще – та кроха доверия, которую теперь питаю к вам.

– Кто-то из важных людей?.. – с ледяной улыбкой осведомилась Иона. – Тонкий янмэйский способ назвать меня женой убийцы?

Отчего-то мне вспомнился Бледный Луг и Лейла Тальмир...

– Леди Иона, да, я подозревала графа. Я подозревала его даже в любовной связи с Линдси. Но сейчас его нет в замке, и...

– Манипуляция показной честностью – как умно! Ступайте, леди Минерва. Не унижайте себя этой дрянью.

– Нет, я же сказала: не думаю, что это Виттор! Есть аргументы против...

– Ах, вы сомневаетесь? Признательна. Но все же муж не свободен от подозрений – вы об этом? Мне не следует доверять ему? Уместнее доверять вам – ведь вы так искренни со мною!

– Миледи, положим, вы мне не верите. Не слушайте моих догадок на счет убийцы. Но сделайте хоть одно: вам это ничего не будет стоить, а Джейн, возможно, спасет от смерти! Пошлите кайров обыскать темницу. Всю, фут за футом, каждый закоулок и камеру.

– Джейн не ходила в темницу. Часовые не видели, – отрезала Иона.

– Есть тайный ход в подземелье.

– Откуда?

– Из... из кабинета вашего мужа.

Каждая черточка в ее лице затвердела. Кристальная морозная маска.

– Миледи, замолчите. Пока не поздно.

Тогда я взбесилась. Не стоило этого делать. Но...

– Тьма бы вас, леди Иона! Поверьте, наконец: мне плевать на вашего мужа! На вашу любовь к нему тоже, или не любовь, а что у вас имеется! И на Джейн плевать! Но вы, быть может, хотите ее найти – так ступайте в кабинет графа, откройте четвертую панель слева и спуститесь в темницу!

Она прищурилась: нехорошо, очень по-северному.

– Четвертая панель слева?.. Какие точные сведения.

– Да, я была там...

– Тссс!.. – леди Иона приложила пальчик к губам. – Ти-хооо...

Трижды хлопнула в ладоши. Кайр Сеймур Стил влетел в комнату.

– Миледи?..

– Нашу милую гостью верните в ее спальню. Тщательно обыщите темницу, начиная с тайного входа в нее – четвертая панель слева в кабинете графа Виттора. Когда покончите с поисками и никого не найдете, переместите леди Минерву в подземную камеру.

– Верхнего круга или нижнего, миледи?

– Что?.. Конечно, нижнего. Верхний круг не будет ей в радость – там слишком просторные комнаты.

* * *

Четыре часа миновало прежде, чем заскрипел замок моей двери. Должно быть, Сеймур. С извинениями от Ионы – один шанс из сотни. Проводить меня в могилу – остальные девяносто девять.

Однако то был не кайр, а Эф.

Вошел, запер дверь и коротко спросил:

– Кто?

– Леди Иона, кто же еще.

– Не вас. Кто похитил Джейн?

– Значит, кайры ее не нашли?

– Облазили всю темницу – безуспешно. Так кто же?

– Я не знаю. Не смогла понять.

Эф сплюнул.

– Дерьмо. Значит, Джейн умрет. И Линдси умрет. А вас заруют в нижнем круге.

– Видимо, да.

– За месяц вернется милорд и вытащит вас из ямы, как вытащил из прошлой. Но девушки не оживут.

– Да.

– Зря на вас понадеялся. Не так вы умны.

И Эф повернулся к двери, а я сказала:

– Не знаю, кто и зачем похитил Джейн, но знаю, каким путем. Через кабинет графа Витора и тайный ход затащил в темницу.

– Ее обыскали – Джейн там нет.

– Преступник увел ее из подземелья.

– Но часовые никого не видели!..

– Не мимо часовых. Особым путем. Тем же, каким увел Линдси.

– Особым?.. Вы о чем?!

– Все дело в железной двери, Эф. Все дело в ней.

– Перестаньте говорить загадками!

– Сир Френсис, хотите найти Линдси и Джейн? Тогда помогите мне, как обещали! Через час я буду в нижнем круге. Заберите меня оттуда. Возьмите с собой оружие и фонари. Я покажу путь. А сейчас идите. Идите!

... У меня остается минут десять, потому кончаю письмо. Я адресовала его своей близкой подруге, но теперь вижу: нужно, чтобы письмо прочли вы, леди Иона София. Я спрячу его, но комнату обыщут после моего переселения, письмо найдут и доставят вам. Потребуется время, чтобы вы поняли, о каком пути из темницы я говорила. Надеюсь, мы с Эфом получим несколько часов форы. За это время, с помощью богов, мы успеем найти девушек.

Но я не знаю, сколько людей у похитителя, останемся ли мы незамечены, справится ли Эф со злодеями. На случай, если все обернется плохо, я очень надеюсь на вас. Оставляю эти листы со всеми мыслями за несколько дней. Надеюсь, прочтя, вы поверите, что я не лукавила и не манипулировала вами.

До встречи, леди Иона.

* * *

Вход в нору не замуровали наглухо, как принято здесь, а лишь перекрыли деревянным щитом и подперли снаружи. Миру не пытались убедить, что наказание протянется дольше нескольких недель. Но несколько недель в могиле – это...

Она вспомнила Адриана, отца, столицу, бал, Стагфорт, земляков, уроки, игры, северный лес, малину и медведей, Море Льдов и рыбацкие парусники, маму... По лесенке из самых светлых картинок своей памяти сошла в самую глубину детства, подолгу задерживаясь на каждой ступеньке... Затем двинулась назад, в сегодня, с тою же долгой пристальной теплотой рассматривая каждую картинку... Вернулась в земляной мешок, где лежало ее тело, и поняла, что миновали целые сутки. Эф бросил ее, и она останется здесь на месяц, а может, и несколько – до конца войны. А может, и дольше, если победят Ориджины... И Мире ничего не оставалось, как снова нырять в прошлое, без конца смотреть светлые картинки на внутренней поверхности век... Они блекли по мере того, как глаза отвыкали от света.

Опора вылетела, и щит рухнул.

– Вы здесь, миледи? – спросил Эф, поднимая фонарь.

– Вас не было так долго...

– Долго?! Всего час, как отсюда ушли кайры! Ну же, вставайте! Говорите: что за выход отсюда?

– Нам нужно в тупик, где сидел идов слуга. Найдете дорогу?

– Ага.

Спустя минуты они миновали железную дверь, и Мира заперла ее за собой. Сердце забило быстрее. Она взяла у Эфа фонарь, открыла стеклянное окошко, чтобы огонек стал доступен. Медленно пошла вдоль стены.

– Я все думала, Френсис: зачем понадобилась эта дверь? Зачем отгораживать этот тупичок от всего подземелья? Допустим, для того, чтобы обезопасить тайный ход в покои лорда... Но, если разобраться, зачем лорду тайный ход в нижний круг подземелья? Обычно скрытые хода ведут из замка наружу – на случай осады... А ход в темницу с преступниками, вмурованными в стены, – странная штука. Если граф желал видеть этих людей, он не хоронил бы их заживо. И вдруг...

Огонек фонаря качнулся от струйки воздуха. Не в том месте, где располагался ход к покоям Виттора. В другом!

– ...и вдруг меня осенило: темница – просто промежуточная станция! Один ход ведет от графа в подземелье, а второй – из подземелья за пределы замка! Так лорд может добраться до спасительной тропки и со двора замка, через верхний круг темницы, и из своих покоев, по скрытой лестнице. А железную дверь можно запереть за собой, и враги нескоро достигнут беглецов, даже если ворвутся в подземелье. Очень разумно, согласитесь.

Камень поддался нажиму и сдвинулся, открыв футовую щель.

– Тьма сожри!.. – прошептал Эф.

– Теперь вы вперед, – сказала Мира. – Надоела тьма. Хочу видеть ваш фонарь и широкую спину.

Эф почесал ягодицу, нехотя кивнул и протиснулся в щель. Мира последовала за ним. Она боялась, что здесь окажутся крысы, пауки с паутиной, старые кости... Но ничего не было. Узкая, низкая, сырая нора шла вглубь земли под небольшим наклоном. Дышалось тяжело. Потолок давил на макушку. Влажный грунт неприятно проминался под ногами.

– Поговорите со мной, – попросила Мира.

– Вам страшно? – язвительно буркнул Эф.

– Да, тьма сожри! Я – девушка! Почему все об этом забывают?..

– Ладно... – Эф помедлил, придумывая тему. – Ну и дыра, а?.. Черт возьми, зачем такое строить? Отчего не могли сделать ход пошире? В вашем монастыре Ульяны тоже было так тесно?

– Знаете, Френсис, это не очень помогает.

– Ммм... Слушайте, а вы не думали, что Джейн может быть здесь? Если ее убили, то зачем тащить до конца хода? Можно бросить труп прямо тут...

– Верите: от этой беседы мне тоже не легче!

– Ну, сами назовите тему, раз так.

Мира задумалась.

– О, есть вопрос. Похититель Линдси послал ей записку с часами от вашего имени, чтобы заманить в темницу. Но он мог это сделать, только если знал ваш код. Кому вы говорили о нем? Графу, например?

– С чего бы?! Связь с горничной – не тот подвиг, которым хвастают перед сюзереном!

– Ах, конечно... Так кому? Лорду Мартину?.. Кастеляну?

– Нет, тьма сожри! Никому из дворян я бы не стал...

– А не из дворян?

– Ну...

– Ну?..

– Однажды...

– Однажды, Френсис?..

– Черт. На корабле в Дымной Дали, когда везли вас, мы выпили с Инжи Прайсом. Ну, хорошо выпили...

– Это я могу понять. И дальше?..

– Я подначил Парочку, мол, приударяет он за вашим высочеством. Решил охмурить принцессочку – каков! А он в ответ: куда мне до тебя, Эф! Ты прям змей-искуситель: целую служанку себе отхватил! Оказалось, он заметил... Я его тогда чуть не убил сгоряча. Но потом еще выпили, разговорились, я и выболтал, как у нас с Линдси все... эээ... устроено.

Проход выровнялся и пошел горизонтально. По прикидкам Миры, они были уже далеко за стенами замка.

– То есть, о ваших записках знал только Инжи?

– Ага.

– Так почему же вы не заподозрили его?!

– Ну, миледи, во-первых, я не знал, что кто-то заманил Линдси в темницу. Не знал, пока вы не сказали. А как узнал, то все равно не заподозрил: вечером, когда Линдси пропала, мы с Инжи снова... эээ... отдыхали душевно. Милорд нас хорошо наградил...

– За что?

– Ну...

– Ну, сир Френсис? Вы же понимаете: я не отцеплюсь.

– За вас наградил. За то, что перехватили и разгадали ваши книжки.

– Ага...

Еще ярдов сто. А может, двести. Чертова нора все никак, никак не хотела кончаться.

– Думаете, Френсис, здесь можно задохнуться? Знаете, как в гробу, если заживо закопали...

– Давайте сменим тему, миледи.

– Что, боитесь?

– Еще чего! Ну, просто...

– Ладно... Так, говорите, о записках знал только Парочка, и он точно невиновен. Но, быть может, он сказал графу?

– Зачем? Граф за это дорого не заплатит, а я Парочку предупредил, чтобы милорду ни слова. Крепко предупредил.

– Однако Инжи служит графу, а не вам... Если он верен господину, то мог...

– Графу? Миледи, с чего вы взяли? Никогда Парочка не служил графу!

– Как это?!

Мира даже сбилась с шага, остановилась. Эф оглянулся на нее:

– Чего удивляетесь? Парочка – беглый каторжник. Таких красавцев граф редко берет на службу. А вот братец Мартин – другое дело. Видали его «егерей»? Там все такие... Парочки.

– Инжи – слуга Мартина?

– Ну, да.

– Почему же граф его послал за мной в монастырь?!

– Граф послал меня. Но и брата просил приглядеть. Сам-то граф был тогда в Первой Зиме, а брат здесь. Вот Мартин и отправил со мной своего надежного парня...

– Святые Праматери!

– Что, миледи?..

– Боги!.. Так ведь это Мартин Шейланд!.. Это он украл Линдси! Вот почему он так меня боялся в эти дни: я ходила в темницу! Мартин думал: не нашла ли я этот ход?..

– И Джейн – тоже он?

– Конечно! В прошлый раз он уезжал на охоту, когда исчезла Линдси. А теперь пропала Джейн – и Мартин снова охотится!

– Но зачем? Почему?!

– Понятия не имею. Джейн – быть может, в отместку Ионе. До самой Ионы не мог дотянуться... А Линдси – боги, не знаю. Но это он! Теперь нет сомнений!

Не сговариваясь, они ускорили шаг. Пучеглазый Мартин в крикливых тряпках – не зловещий неведомый преступник. Ни Эф, ни Мира не боялись его.

Спустя ярдов четыреста подземный ход изогнулся, пошел на подъем. Стало суше и легче дышать. А затем Эф уперся в деревянную заграду. Отдал Мире фонарь, подналег на доски и сдвинул. Снаружи было темно, пахло плесенью и трухой.

– Какой-то погреб... – шепнул Эф.

Мира вышла следом за ним. Правда, погреб. Бочки рядами – многие опрокинуты, некоторые прогнили насквозь. Пустые ящики, на стенах крюки для колбас и кольца для факелов. Потолок – каменный, сводчатый.

– Лавка бакалейщика или винодела... – предположила Мира. – Давно покинутая...

Эф огляделся, рассмотрел клейма на бочках.

– Я знаю, где мы! На окраине Уэймара была когда-то обитель, ее строили одновременно с замком. Потом она захирела, монахи перевелись. Здание отдали больнице, но ее сожгли западники при последней осаде. Там, наверху, – он ткнул пальцем в потолок, – все выгорело, одни камни да угли. А подвалы сохранились.

Они двинулись вдоль погреба. Мира похолодела от жуткой мысли.

– Эф, нам следует проверить бочки...

– Зачем?

– Тьма!.. Затем, что мы ищем Линдси... И не верим, что она жива.

– Боги...

Эф принялся заглядывать в бочки и ящики. На некоторых остались крышки, их пришлось срывать. Скинув очередную крышку, Эф отшатнулся, зажав нос ладонью. Мира ахнула:

– Тело?..

– Нет... кислое вино.

Эф дошел до конца погреба, уперся в дверь.

– С этой стороны все пусто. Надо посмотреть там, до подземного хода...

Он махнул в другой конец погреба.

– Смотрите вы, Френсис.

Он двинулся туда, где зияла в стене щель. Мира не смотрела ему вслед, а глядела на выход из погреба и думала: если выйду, наконец, на свет – никогда больше не спущусь под землю. И шторы не задерну, и искру не буду гасить на ночь. И полюблю, черт возьми, солнце! Все лето буду загорать, стану смуглой, как чертова западница! Никакой тени, никаких подземелий, только зной и солнечный свет!

– Здесь всюду тоже пусто, – после мучительно долгих минут сказал Эф.

– Слава Янмэй. Идемте наверх!..

Мира пошла к двери, Эф – за нею следом. А за спиной у него раздался тихий шорох. Мира вскрикнула, мгновенно обернувшись:

– А-аа! Крыса!..

– Нет, крошка, это же я... Что, в темноте не признала?

Инжи Прайс вошел в круг света от эфова фонаря.

– Парочка? Какого черта? – воскликнул Френсис, кладя руку на эфес меча.

– Нет, други, это я вас спрошу: какой тьмы вас сюда занесло? Тебе, кроха, я говорил не лезть в темницу? Говорил... А ты, Эф, ясно понял, кто в замке главный? Миледи, вот кто. Миледи велела запереть кроху... так зачем ты отпер?

При этом он сделал еще два шага к Эфу. Тот напрягся:

– Стой, где стоишь, Парочка!

– Да ладно тебе!.. Я же вас люблю, как родных. Только поэтому и пришел. Хотел вам сказать и вот говорю: ступайте назад, в замок. Ты, детка, отсидишь положенную недельку в камере, а ты, парень, немножко полижешь северную задницу миледи... и мне винца выставишь. Тогда все забудется, и граф не узнает, как ты помог пленнице бежать.

– Я тебе не парень, – процедил Эф и поставил фонарь на бочку. – И графу есть что узнать о тебе, дрянь! Вы с Мартином выкрали Линдси и Джейн!

Инжи рассмеялся – куда более умело, чем леди Сибил Нортвуд.

– Какое дерьмо собачье! Ты сказанул – что в вино насрал! Детка, закрой ушки, не слушай...

– Заткни пасть, тварь! – крикнул Эф, клинок со скрипом двинулся из ножен. – Отстегни и брось на пол ремень.

– Ладно, ладно... Вот озверел-то!

Инжи пожал плечами и расстегнул пряжку. Кинжал звякнул о каменные плиты.

– Теперь повернись спиной.

– Малютка, ты хоть не веришь в эту чушь?.. – спросил Парочка, через плечо Эфа глядя на Миру.

– Это она все и узнала, старый пень! Так что закрой пасть и повернись спиной!

– Ну, как скажешь...

Носком сапога Инжи подцепил ремень с кинжалом и швырнул в лицо Эфу. Тот уклонился и потерял секунду. Инжи метнулся вперед. Он оказался слишком близко для меча, и Эф выхватил искровой кинжал, направил в живот Парочке. В тот самый миг Инжи выбросил левую руку к лицу Эфа. Рыцарь замер. Кинжал застыл в дюйме от цели, звякнул на пол, когда разжались пальцы. Обе руки опустились, вытянулись по швам. Тело начало оседать, смялось, упало к ногам убийцы. Лицо заливала кровь.

Мира не могла ни говорить, ни дышать, ни двигаться. Смотрела, как Инжи вытер узкий стилет, торчащий из-под левой ладони, аккуратно сунул обратно в рукав, подобрал и надел пояс с кинжалом.

– Ты некогда любопытствовала: отчего меня зовут Парочкой? Так вот, это потому, что у меня их всегда парочка в запасе.

Переступив труп, он пошел к Мире.

– Помнишь, я говорил, что не люблю убивать юных девиц без крайней нужды? Так не расстраивай меня, не создавай потребность, ладушки?

Мира не могла даже ответить. Стояла восковой скульптурой. И, кажется, плавилась. Подгибались ноги.

– Развернись, деточка, и ступай к двери. Ты меня услышала?.. Вот и хорошо. Кругом и к двери.

Она повернулась. В эту минуту дверь распахнулась, полился свет. В проеме стоял Мартин Шейланд в красных штанах и лимонном камзоле. За его спиной виднелись двое «егерей».

– Что тут за чертов шум?

– Да было дело... Уже все улажено, хозяин.

– Не все улажено, не все...

Мартин приблизился к Мире, склонив голову, сверкая огромными, жадными глазами.

– Да, хозяин, осталась задачка, – признал Инжи. – Она Янмэй, с нею сложно...

– Настоящая Янмэй... – Мартин цокнул языком. – Ц-ц-ц. Подлинная, чистокровная Янмэй! Пожалуй, оно и к лучшему. М-да.

Остановился перед Мирой, вытянул руки. Положил ладони ей на бедра, повел вверх, ощупал бока, живот, грудь.

– Ц-ц-ц. Точно, к лучшему.

– Осторожно, хозяин, – предупредил Инжи.

Не издав ни звука, Мира пнула Мартина в голень.

Тот заорал, согнулся... И, резко выпрямившись, ударил девушку кулаком в подбородок. Мира упала, скорчилась, закрыв лицо руками. Мартин встал над нею.

– Настоящая, живучая Янмэй... Хорошо.

Его сапог ткнулся ей под ребра. Свет погас.

Меч

Ноябрь 1774 г. от Сошествия

Лагерь северян в предместьях Лабелина

Будь Джоакин Ив Ханна человеком философического склада, он извлек бы из нынешнего своего положения множество мыслей и откровений. Тем более, что обилие свободного времени располагало к раздумьям.

Например, он мог бы поразмыслить о скоротечности момента и невозвратности шанса. Кажется, еще вчера козырная карта была в твоих руках... но вот, незаметно для тебя, ситуация переменилась, и ты уже не владеешь ничем, кроме разбитых надежд, да еще лужицы в грунтовом полу, где скапливается дождевая вода. Наверное, ценнейший дар в мире – способность угадывать нужный момент. Миг славы и миг падения идут рука об руку, и лишь мудрец может различить их. А лужа, к слову, хорошая штука: без нее пришлось бы слизывать влагу прямо с земли, что не к лицу воину...

Мог бы он подумать о стратегах – к этому располагала крыша над головою. Перекрытием служила решетка, сбита из досок; ее ромбовидные просветы напоминали клетки стратегического поля. А люди, как ни крути, – всего лишь фишки, и счастлив тот, кто знает свое место. Когда властная рука игрока берет тебя и переставляет с клетки на клетку – следует принять это как должное и – упасите, боги, – не сопротивляться. Играешь не ты, играют тобою – приняв этот факт, увидишь истину.

Джоакин мог бы также по достоинству оценить древнюю мудрость: «Чем выше взберешься – тем ниже упадешь». Забавно, как прямой смысл сплетался с переносным: с высоты герцогского застолья Джо рухнул в самую натуральную, отнюдь не метафорическую яму. Теперь он делил стол с полевыми мышками и должен был проявлять немалую бдительность: стоит прозевать момент, когда в яму бросят пару лепешек, – и грызуны мигом растащат их, ничего не оставив человеку. Что, в сущности, тоже весьма философично: будь ты хоть трижды велик и силен, а в выигрыше окажется тот, кто первым доберется до лепешки.

Но Джоакин не родился мыслителем. Был он таким человеком, для кого мысль непременно соединяется с действием. Какой прок от пустых раздумий? Подумал немного – сразу сделал. А коли не можешь сделать, то и думать без толку.

Он попробовал выбраться из ямы. В мягкой грунтовой стене сделал выемки для рук и ног, взобрался на пять футов вверх, к перекрытию, уперся в него плечами и поднажал. Тяжелая решетка даже не шелохнулась, но из-под ног парня вывернулись комья земли, и он ляпнулся на пол, распугав мышей.

Попробовал копать. Обломал пару ногтей, продвинулся на фут. Потом его старания заметили сквозь решетку солдат, просунул в яму древко копья и оглоушил Джо по голове.

Испытал также свое мастерство переговорщика. Воззвал к патриотическим чувствам солдата и земляческому состраданию, на случай, если солдат – путевец. А на случай, если солдат – северянин, пригрозил: «Выпусти меня немедленно! Иначе, когда выберусь, тебе несдобровать! Знаешь ли, кто я? Еще вчера, да будет тебе известно, я распивал вино с его светлостью Эрвином и двумя кузенами!» Кем бы солдат ни был, он не вступил в беседу.

Истратив таким образом весь арсенал идей, Джоакин принялся ждать. Он думал лишь одно: «Как все дерьмово повернулось! Вот же дрянь...». Развития данная мысль не требовала – она была самодостаточна, метко выражала всю глубину джоакиновых переживаний.

Порою он, правда, вспоминал Аланис и Ориджина. Но сразу же такая буря поднималась в душе, такие противоречивые чувства взметались из глубины, рокотали, сшибались друг с другом, взбивая пену... Джоакину стоило громадных усилий погасить шторм, восстановить хладнокровие, подобающее воину.

В слове «воин», в звучании его, в своей к нему причастности он находил единственное утешение. Я – воин. Что бы ни случилось, а уж этого у меня никто не отнимет! Птицу не отучишь летать, а волку не запретишь охотиться – ни один самовлюбленный лорд не может этого! А если те двое... ни она, ни он... не оценили меня по заслугам, то им же хуже. Многое они теряют. Мне же терять нечего. Я – воин! Боевой дух со мною, и его не отнять.

По правде, боевого духа недоставало. Он накатывал волнами, но быстро отступал, и приходила та пустая, серая апатия, что уже посещала Джоакина перед сражением. Тогда он садился на землю и бездумно паялся перед собою. Пролетали часы, а он сидел, не замечая времени, перемалывал жвачку из одной-единственной мысли: «Как все дерьмово... Ну, и дрянь...». Лишь одно могло вывести Джо из этого состояния: звук «ляп!», с которым падала в яму лепешка. Тогда нужно было схватить ее прежде полевок, отереть о подол сорочки и сунуть в рот.

В унылой апатии Джоакина и застал тот миг, когда решетка сдвинулась, и в яму свалилась узловатая веревка.

– Давай, путевец, вылезай, – сказал солдат свои первые слова. Он был северянином.

Джо выбрался наверх. Стояли сумерки, но еще не ночь. Возле солдата-стражника был знакомый уже кайр Хэммонд – икс из личной охраны герцога.

– Ты грязный, как свинья. Отряхнись, – сказал кайр.

– Зачем? – спросил Джоакин.

Кайр врезал ему кулаком под ребра. Джо не без труда восстановил дыхание, разогнулся, принялся оттирать землю с плаща и рубахи, но по-прежнему не понимал, зачем это нужно. Перемены к лучшему все равно не предвиделись. Его вытащили из ямы – не диво: войско выступает в поход, вот и вытащили. Что сделают дальше? Кто знает. Но уж явно ничего хорошего ждать не приходится.

– За мной, – сказал Хэммонд и пошел.

Насколько Джо ориентировался в вечерней мгле, двинулись они к центру лагеря. Кайр не оглядывался, и, вообще говоря, давал парню шансы сбежать. Можно опрометью кинуться меж палаток, свернуть раз, второй, третий – и все, считай, сбежал. Переодеть Джоакина узником никто не удосужился, так что выглядел он как простой солдат, только больно грязный. Кроме Хэммонда, никто не опознает в нем беглеца, даже часовые.

Но Джо не попытался. Даже не потому, что на поясе кайра поблескивали три метательных «пера», а просто потому, что не было смысла. Куда бежать-то? А главное – зачем?.. С детства мечтал в Ориджин, потом мечтал в Альмеру... Но вот они здесь – и Альмера, и Ориджин. А Южный Путь – под ногами. Если тут дрянь, то где будет лучше?..

Пришли. Часовые отсалютовали Хэммонду, впустили в огражденную частоколом сердцевиной. Обошли несколько шатров, пришли к белому квадратному – незнакомому, ориджиновский был вишневым. Внутри шатра горел огонь, выпуская дым в отверстие крыши.

– Разденься, – сказал кайр.

Джо чуть не ляпнул снова: «Зачем?» Скинул одежду, вмиг покрылся гусиной кожей. Кайр оглядел голого парня, тщательно перебрал и прощупал тряпье. Он искал не просто оружие, а любую металлическую мелочь: гвоздь, шпильку, кусок кольчужной проволоки, оловянную ложку. Не найдя ничего, буркнул:

– Одевайся и слушай. С какой-то тьмы миледи пожелала тебя увидеть. Причем, наедине. Миледи – не робкого десятка, к тому же вооружена. А ты – всего лишь путевец. Но если все же чего-то себе надумаешь, помни: я тут, у входа.

Кайр откинул полог.

Шатер имел сени, как добротная изба. В сенях Джо замялся, хрипло спросил:

– Миледи?..

– Входите, Джоакин Ив Ханна.

Отодвинув второй полог, он вошел.

В шатре было тепло и светло. Трещали поленья в железной печурке, горели масляные лампы. Леди Аланис сидела, скрестив ноги, на овчиной шкуре, расстеленной у печки. Она оставила лицо открытым и расположилась вполоборота к Джоакину: лампа освещала здоровую щеку, шрам оставался в тени. Одета была не то в свободное платье, не то в нарядный халат. Оторочка из куничьего меха, воротник раскрыт, видны ключицы миледи. Платиновые локоны спадают на шею.

Отчего-то у Джоакина пересохло в горле. Видимо, натоплено слишком жарко...

– Миледи... – повторил он глухо.

Аланис улыбнулась:

– Вы, никак, принимали ванну?..

Он сообразил, что надел только штаны, а остальное тряпье держал комком в руках.

– Ой!.. Простите, миледи...

Попытался с достоинством надеть сорочку. Выронил, подобрел, замялся: сорочка вся была изукрашена жирными земляными пятнами.

– Бросьте, – велела Аланис, – садитесь. Здесь тепло.

Джо поискал глазами отведенное ему место.

– Садитесь на овчину, не бойтесь меня.

Он сел, прижавшись к дальнему от миледи краю. Однако овчина была не слишком велика. Пальцы ноги девушки оказались в дюйме от джоакинова колена. Все дрянь, – напомнил себе Джоакин. И не само по себе дрянь, а из-за нее, из-за этой вот барышни.

Спросил как можно суше:

– Чего угодно миледи?

– Я вспоминала, как мы с вами отнимали лошадей, – Аланис пошевелилась, подол халата сполз, приоткрыв щиколотку. – Вы назвали это забавным приключением. И были правы: теперь мне весело вспомнить. Вы весь такой грозный, лицо – будто герб на щите. «Нам нужны ваши лошади!» И меч к самому носу этого бедняги... а он хлоп – и в обморок. Ну, не забава? А вы сразу так растерялись, чуть меч из рук не выпал. Я говорю: «Найдите деньги», – и вы с той девчонкой только глазами хлопаете. Мол, к кому это она обращается?..

Джоакин отодвинулся и сжал кулаки, пытаясь задушить предательское тепло, родившееся в груди.

– А как думаете, – спросила Аланис, – они продали кольцо? Или хранят как святыню, что чудом свалилась с неба? У кого-то Священные Предметы, а у них – мое колечко. Молятся: «Янмэй Милосердная, сделай так, чтобы все наши несчастья кончались, как тот грабеж на дороге!» Садятся в телегу и катаются ночами в надежде: вдруг найдется еще герцогиня, которая захочет их ограбить?

Джоакин стиснул зубы, поиграл желваками.

– Миледи, вам угодно предаться воспоминаниям? У меня один случай не идет из головы: «Милый Эрвин, сделайте так, чтобы этого человека не было...»

Отблеск гнева полыхнул в карих глазах.

– Вы меня сильно разозлили, Джоакин. Вам всегда это на славу удается. Можно подумать, вам счастье, когда я в ярости.

– Вы сказали, что я лгу.

– А вы и лгали!

Джоакин потупился.

– Я хотел вам добра. Говорил так, с преувеличением, чтобы расположить к себе Ориджина... А вы на меня даже не взглянули!

– Милейший сударь, – холодно сказала герцогиня, поправив подол, – если желаете предаться обидам, то займитесь этим позже, в одиночестве. Будто мне дел других нет, как слушать ваши жалобы! Не затем позвала.

От ее слов обида только усилилась. Парень хмуро буркнул:

– Так зачем звали?

– Я задолжала вам и хочу вернуть. Помню, что деньги вам не в радость, и предлагаю иное. Идите ко мне на службу.

– Собачонкой?.. – не сдержался Джоакин. На диво, Аланис стерпела.

– Воином личной охраны, гвардейцем. Не могу дать вам рыцарский титул, но положением вы не уступите никакому рыцарю. Вы будете служить наравне с лучшими кайраами, обедать за их столом, получать такое же жалование. А сегодня дам пятьдесят эфесов, чтобы вы приобрели доброго коня и достойную амуницию. Что скажете?

Предложение свалилось, как обух на голову. Оглушенный парень никак не мог понять: издевка ли это, испытание ли? Если испытание, то каков правильный ответ?..

– Я служу герцогу Ориджину, миледи.

– Я побеседовала с Эрвином. Он согласен уступить вас мне... Хотя, конечно, ему будет сложно пережить такую потерю.

– Снова насмехаетесь? – краска бросилась парню в лицо. – Теперь понятно: вам нужен шут, а не рыцарь! Вот на какую службу зовете!

Она рассмеялась.

– Простите, сударь, но по правде, вы смешны. Весь такой серьезный, важный, доблестный – и при этом ничегошеньки не понимаете! К тому же, прескверно воспитаны. Дважды вы больно меня оскорбили и даже не осознали этого, потому не удосужились просить прощения. Но, сударь, вы спасли меня – это также правда. И вы преданны мне, как никто другой. Вот причина, по которой хочу взять вас на службу.

Джоакин облизнул сухие губы. Горечь, только что переполнявшая его, схлынула враз. Оказывается, Аланис способна признать свои ошибки. Черт возьми, это мало кто может!

– Миледи... – начал он и поискал слов, чтобы ответить наиболее достойным образом.

Аланис неверно истолковала паузу:

– Отказываетесь? Ваша ненависть ко мне слишком сильна, чтобы служить под моим началом?..

– Нет, миледи! Я согласен, – поспешно ответил Джо.

– Очень рада.

Аланис протянула руку, он поцеловал.

– Позовите Хэммонда, я распоряжусь обо всем.

И тут Джоакин понял, что не может встать. Вокруг Аланис была очерчена невидимая сфера футов шести в поперечнике, и покинуть пределы этой сферы никак не получалось.

– Миледи, не нужно ли вам... чего-нибудь?

– Благодарю вас, я всем довольна.

– Подкинуть в печку дров?

– Здесь и без того жарко.

– Тогда может быть... налить вам вина?.. Принести еды?

Аланис устало улыбнулась.

– Я так утомилась за день, что ничего не хочется. Поговорю с кайром и лягу спать.

– Когда мы реквизируем коней... – Джо подвинулся, ткань его штанины коснулась ноги миледи. – Я тогда смотрел на вас и думал: вот истинная внучка Агаты. Никто не может противиться вашей воле. Мы легко могли обойтись без оружия: вы просто приказали бы – и путники отдали бы все, что угодно!

– Благодарю вас, это очень мило.

Аланис поднялась, и невидимая сфера лопнула. Джоакин встал следом.

– Доброй ночи, сударь. Не забудьте позвать кайра Хэммонда.

И Джо покинул шатер.

Вышел в ночь, увидел икса, несущего вахту у входа. Впервые обратил внимание, что герцогский пес на два дюйма ниже Джоакина.

– Кайр Хэммонд, – отчеканил парень, выпятив челюсть, – герцогиня велела вам зайти.

Икс не нашелся с ответом. Уставился на Джоакина, почесал затылок и исчез в шатре.

Мысль, что заполняла звучанием голову парня, была теперь такова: «Наконец-то я на правильном месте. Тьма вас всех, я добился своего!»

Перо

Ноябрь 1774 г. от Сошествия

Море Льдов; Запределье

За три недели плавания Ворон Короны почти обрел право сказать почти честно: «Я освоился с морем». Его тошнило не чаще раза в сутки, он передвигался по палубе, почти не сбиваясь с прямой линии, и практически не чувствовал себя лжецом, когда с улыбкой говорил парням:

– Морская болезнь? Вы о чем? Да я здесь как у Софьи за пазухой!

Однако тут кое-что изменилось.

Странное облако окутало суда. Повисло над палубами, забралось в каюты, камбузы, кубрики, трюмы. Оно было невидимо, но весьма ощутимо: облако вползало под кожу мерзким липким морозцем. Перебирало кости, поглаживало кишки. Хотелось укутаться плотнее, зажечь яркий свет, выпить орджа. Громко пошутить и тупо заржать, во всю глотку затянуть матросскую песню – из самых вульгарных. Была бы девка – взять бы за сиськи да помять посильнее...

Флотилия шла на восток. Берег все так же змеился: то отпадал вглубь материка заводьями, то выступал мысами. Там росли низкие и гнутые деревья, жались к земле, будто лишайник. Порою сменялись мутными плешами – то Мягкие Поля подступали близко к морю. Скверные земли. Добрые луга весной зелены, летом желты, осенью черны. Здесь ни то и ни другое, а что-то среднее: цвет мешковины с прозеленью. Цвет гнили, цвет мертвеца, вынутого из могилы.

Никто больше не играл в кости. Матросы на вахте хмуро молчали. Сменившись, шли в кубрик, садились пить. Пили с мрачной деловитостью, без лишних слов. Порою кто-то бросал шутку, и все принимались гоготать. Неуместно громкий смех утихал так же внезапно, как начинался: будто выключили искровую лампу. Начинали петь – голоса распадались: кто-то надсадно орал, кто-то скатывался в хрип.

Холод теперь был всегда. Неважно, сколько выпито, сколько слоев шерсти надето, сколько поленьев горит в железной печурке – морозец все ползал под кожей, будто клубок склизких белесых червей. Марк пил, как и все, жался к печке, говорил себе: «Мне плевать, я не пойду на берег, меня не тронут. Мне-то что. Не мне сражаться. Меня не достанут. Забота кайров, не моя». И все чаще тосковал по камере в темнице Первой Зимы.

Джемис Лиллидей очутился в центре внимания. Он не имел друзей на корабле: все приятели Джемиса, если имелись у него таковые, ушли на юг вместе с герцогом. Так что прежде кайр держался особняком, и если заводил с кем беседу, то лишь со своей овчаркой. А вот теперь как-то в одночасье дошло до всех: Джемис был за Рекою. И не просто был, а вернулся живым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.